

ЖЕНЫКА

или

ОДНОКЛАСНИКИ

off-line



Викторія
Балашова

16+

Детективные загадки: реальность и мистика

Виктория Балашова

**Женька, или
Одноклассники off-line**

«Автор»

2010

Балашова В.

Женька, или Одноклассники off-line / В. Балашова — «Автор», 2010 — (Детективные загадки: реальность и мистика)

Мы еще не история, еще не ретро. Но наши воспоминания о прошлом уже становятся историей. Две судьбы, две жизни – они развиваются на фоне лихих девяностых. Роман написан в виде дневников главных героев. В начале книги главная героиня оканчивает институт, выходит замуж. Они с мужем занимаются бизнесом и полностью адаптируются к новой жизни. Вторым главным героем в это же время возвращается из Афганистана и устраивается работать электриком в ЖЭК. Он ненавидит всех своих одноклассников и мечтает им отомстить за плохое к нему отношение как во время учебы в школе, так и после ее окончания. Странная детективная история и любовная линия идут параллельно друг другу, изредка пересекаясь, а в конце вдруг взрываясь в едином мощном катарсисе, но оставляя после лишь многоточие. Персонажи этой книги мемами пока не мыслят. В конце концов, она о тех временах, когда одноклассники были еще off-line.

© Балашова В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Октябрь, 1998 год	6
Часть первая	8
Зима, 1989-90 год	8
Январь, 1990 год	10
Февраль, 1990	12
Март, 1990	13
Апрель, 1990	14
Май, 1990	15
Июнь, 1990	16
Июль, 1990	18
Август, 1990	20
Сентябрь, 1990	22
Октябрь, 1990	23
Ноябрь, 1990 – февраль, 1991	24
Весна-лето, 1991	26
Осень, 1991	29
Зима, 1991-1992 год	30
Весна, 1992	34
Июнь, 1992	35
Июль, 1992	37
Август, 1992	40
Осень, 1992	41
Декабрь-январь, 1992-93	43
Февраль, 1993	46
Март, 1993	48
Апрель-май, 1993	49
Июнь, 1993	51
Июль, 1993	53
Август, 1993	55
Осень, 1993	56
Декабрь, 1993	57
Январь, 1994	59
Февраль, 1994	60
Март, 1994	61
Апрель, 1994	62
Май, 1994	64
Июнь, 1994	66
Июль, 1994	68
Август, 1994	69
Сентябрь, 1994	72
Октябрь, 1994	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Виктория Балашова

Женька, или Одноклассники off-line

Если кто-то в этой книге на вас похож, то это случайность. Не проводите параллелей, не ищите знакомых лиц. Все герои являются плодом воображения автора, сюжет полностью выдуман...

*«Книгу может писать и читать,
наверное, только тот, кто так жил»
(А. Шкалик)*

Октябрь, 1998 год

Меня не брало спиртное... Я сидела в баре и тупо смотрела на пустой бокал. В него набухали водки, ром и еще какую-то дрянь – я не успела прочитать на этикетке, что это было. Но опять не брало.

До этого была испробована Раки. Ничего. Уже не было даже слез, пустота не заполнялась ничем. Перед глазами иногда всплывало прошлое, мне становилось еще хуже.

Сын резвился на детской дискотеке, и у меня не было сил его оттуда вытащить и пойти спать.

Не помогает. Ни черта не помогает. Мне всего 29 лет, а кажется, что жизнь уже закончилась. В принципе не успев начаться. Мне не хватает воздуха, я не могу дышать нормально.

Небо все усыпано звездами. Одна моя знакомая, если видит звездное небо, всегда уверенно тыкает в него пальцем и говорит: «Большая Медведица». Я ее ни фи́га не вижу, эту Медведицу, ни Большую, ни Малую, хоть у меня и было «отлично» по астрономии. Так я сижу на не совсем успевшем высохнуть лежаке у бассейна с пустым бокалом на пластиковом столике и смотрю на небо. Я никак не могу понять, что мне делать дальше, как продолжать жить.

Мой сын прискакал ко мне сам. Привыкнув ложиться спать вовремя, он быстро устает после определенного момента и его не надо даже просить пойти спать. Я с трудом отскребаюсь от лежака, допиваю на ходу остаточки коктейля со дна и плетусь в номер.

Сын быстро засыпает, но я никуда не ухожу и сажусь на балконе с книжкой, непонятно зачем взятой из Москвы – я ее за прошедшую неделю так и не начала читать и вряд ли, судя по всему, начну. Так и сижу, в очередной раз открыв ее на первой странице. Передо мной расстилается чернота – небо слилось с морем, и, как ни приглядывайся, не увидишь ту грань, которая их разделяет. Мне очень бы хотелось сейчас все-таки ее увидеть, мне кажется, что заметь я ее и что-то вдруг прояснится и в моей голове. Пусть даже просто отделится тьма от тьмы, это лучше, чем одна большая черная дыра, без низа и верха, без лева и права. Начинает казаться, что я увидела вдали какую-то черту, книга свалилась на пол, я вздрогнула, и все пропало – обман зрения рассеялся, вдали снова все слилось.

Оглушительно орали цикады, и слышалась музыка из бара. Все это отвлекало и не давало сосредоточиться на важном. Впрочем, уже и не было понятно, а что же считать за главное, откуда начинать отсчет, что считать за те плюсы, которые мне советуют психологи записать в один столбик, а что считать за минусы для другого столбика.

Я бы и рада посчитать эти самые минусы и плюсы и с их помощью принять однозначное решение, но что принять за минус, что за плюс? А эти звуки, эта чернота только сбивают с мысли, отвлекают внимание на себя, тянут, засасывают, путают.

Я привезла с собой тоненькую тетрадочку, разделила страничку пополам, аккуратно написала сверху: —, +. Она так и лежит на столике в номере. Пустая. Сын иногда чиркает на других страницах какие-то свои знаки, но первую страницу не трогает, знает, что она мамина. В какой-то из дней я было взяла ручку, попыталась начать писать и снова не написала ничегошеньки. Так и стоят сверху минус и плюс, так и разделяет вертикальная длинная черта (ну столько я уж точно не напишу) две пустые стороны листа в клеточку.

Иногда мне звонят с работы. Я усилием воли сосредотачиваюсь и пытаюсь отвечать на вопросы и решать какие-то, слава Богу, мелкие проблемы. Со мной пытаются знакомиться мужчины, но у меня на них аллергия. Я укладываю сына спать и сижу в номере еще и чтобы не общаться с ними. Днем на жаре мужчины не так активны, они лежат на пляже, купаются в море, спят на лежаках, пьют в барах, едят в ресторанах. Вечером после ужина, когда спадает жара, противоположенный пол активизируется. А у меня аллергия. Мне кажется еще чуть-

чуть и я начну от них чесаться. Вот еще немного он постоит рядом со мной, скажет буквально несколько слов, и я зачешусь!

Я опять задрала голову и ищу эту несчастную Медведицу. Я знаю, что мне ее не найти, а подруга далеко, в Москве. Спросить не у кого. Конечно, в отеле найдется кто-то, кто может мне ее найти, но не вешать же объявление возле ресторана, рядом с расписанием вечерних развлечений. А линию на горизонте, линию между морем и небом, кто-нибудь укажет? А кто за меня заполнит листочек в тетради? А может ли кто-нибудь вместо меня поехать в Москву? Я останусь здесь с найденной Медведицей, с линией Ватерпас (так ли она называется? Не знаю точно..., по-моему Ватерпас это прибор какой-то), с листочком. Я буду пить Раки, пьянеть, перестану чесаться от того, что со мной хотят познакомиться, дочитаю книгу. Что будет потом? Ну потом я смогу ехать домой, там все проблемы будут уже улажены, я смогу снова нормально функционировать, то есть питаться, спать, ходить на работу. Может быть даже смогу заниматься сексом (сейчас аллергия у меня, не знаю, пройдет ли она полностью). Может быть даже заниматься сексом с удовольствием. Может быть смогу и питаться, чувствуя вкус еды, работать с энтузиазмом!

Я быстренько сбегала за тетрадкой и на пустой странице написала: «Ищу человека, который может показать, где находится Медведица (любая, Большая или Малая, все равно). А также того, кто может найти линию, разделяющую глубокой ночью небо и море. Вознаграждение гарантируется!» Потом я медленно открыла снова первую страницу и под плюсом вывела: я познакомилась с Женькой.

Часть первая

Зима, 1989-90 год

Как и полагается в приличном социалистическом обществе мы все начали планировать заранее: уже летом было решено – Новый год отмечаем у Машки. Кризис с мужиками? А и черт с ними! Выкрутимся! Главное, что квартира у нее будет явно свободна – родители, также заранее, запланировали на Новый год поездку в санаторий.

С чего начинается подготовка к Новому году? С шампанского. И пошли мы еще в ноябре в магазин «Елисейский», встали в длинную-длинную очередь, не ведая, что числа эдак еще двадцать пятого декабря сие спиртное можно будет спокойно купить в соседнем с Машкиным домом универсаме. Но что делать, привычка. По крайней мере на сердце было спокойно, когда мы прижав к себе заветные пакеты с бутылками бодро шлепали по снежным лужам улицы Горького.

Последнее оргсобрание было проведено двадцать восьмого декабря, были утверждены примерные списки гостей и подаваемой еды. В связи с отъездом родителей я практически уже жила у Машки в квартире. Тридцатого к нам в гости неожиданно пришла Машкина подруга Лена, навешала лапши вареной нам на уши о своих многочисленных мужиках, оставила нас в легком шоке и ушла. А мы пошли катать шарики для конфет из детской смеси «Малютка». В итоге должны были получиться «трюфели».

– Ты думаешь у нее действительно стооооолько мужиков? – спросила в процессе готовки Маша.

– Нет. Не верю, – твердо ответила я. В душе, правда, остался неприятный осадок, так как координально проблема с мужчинами так решена и не была. У Машки еле теплился уже третий год роман с бедным студентом Эдиком, который то пропадал, то снова возрождался из пепла, как тот Феникс. У меня же на данный момент был полнейший штиль, не было даже бедного студента, не говоря уж о небедном.

В итоге поздним вечером тридцать первого декабря мы имели следующий состав гостей: наши с Машкой одноклассницы – Марина, Аня и Ира, некто Вася (под два метра ростом, глуповат, но с букетом цветов), приведенный Аней, у которой всегда имелось несколько молодых людей про запас, некто Дима (см.Васю, но без букета), Эдик (тот самый Машкин бедный студент, неожиданно объявившийся под Новый год, и в связи с этим естественно тоже приглашенный), Коля (друг Эдика, с шоколадкой), Виталик (друг Ани, военный, с которым она познакомилась в рок-н-рольной студии), Саша (некто, но друг Виталика).

Именно в этом дурацком составе и был встречен Новый 1990 год. Перепомя не наблюдалось, чувства друг к другу не проснулись. Говорят, как встретишь Новый год, так его и проведешь. Тогда я еще не знала, что это правило на мою жизнь не распространяется. Совсем. Скорее наоборот – как встретишь, так уж точно не проведешь. От обратного.

1 января в 10.00 мы с Машкой упали в кровати. В 14.00 некто, жаждущий слышать некоего Валентина, нагло разбудил нас и вынудил тем самым смотреть «Песню-89», во время которой, видимо в связи с недосыпом, мы подвергли жесткой критике практически всех выступавших исполнителей.

В 22.00 еще один телефонный звонок ворвался в наше мирное существование в постели. «К нам едут Эдик с Максом!» – воскликнула Маша. С Максом меня давно хотели познакомить, но все никак не срасталось и тут такое везение!

Наши дальнейшие действия можно было приравнять к боевым: встать, одеться, накраситься и причесаться! (Говорят, мы выглядели неплохо.)

* * *

Я сидел один на кухне нашей коммуналки и листал школьный альбом. Снова и снова к горлу подкатывала тошнота от одного только вида всех этих людей, этих самодовольных рож моих одноклассников. Все десять классов они смеялись надо мной, а иногда и издевались, кто как мог. Где-то они сейчас, все эти мальчики и девочки? Наверняка в институтах. А я нигде. Сразу после школы – армия, по тупости моей меня не взяли ни в один институт, даже самый замшеленький. Ни фига! Ни рожей, ни умом не вышел.

В квартире было тихо. Все свалили праздновать Новый год в соседний подъезд к дяде Коле. Мать и меня звала с собой, но я решил свой первый Новый год после армии отсидеть дома. Подумать. Было б правда чем! Но тут уж я напрягся головой! За два года в армии меня иногда преобильно били по этой самой голове. Что-то там сдвинулось. И если первый год было еще туда-сюда, то второй год, который я провел на войне, оказался хуже смерти. «Война заканчивается, ребята, – сказал нам пятерым «счастливчикам» тогда подполковник, приехавший из Москвы в нашу часть, – так что вас туда ненадолго. Чистая формальность». Потом уже по прибытии на место мы узнали, что отправили нас вместо погибших двадцати человек. На них напали неожиданно ночью и всех перебили. Мы должны были впятером закрыть временно этот населенный пункт. Типа, для галочки. Все равно войска выводят, мол, посидите тут пока. И как там было? Хреново. Про нас фактически забыли. Мы голодали, сходили с ума, убивали. А как не убивать? Хочешь сам выжить, убьешь. Первые разы было трудно – руки тряслись, я мазал. А потом по привычке, да и патроны жалко. Стал попадать.

Дембель у нас всех был в одно время. Тут-то и вспомнили вдруг про пятерых засланных на войну, которая, кстати, к тому времени действительно закончилась. А осталось нас двое. Приехала машина, забрала нас на аэродром, и полетели мы по домам. В Москве наградили медалью. Толку-то только с нее... Сослуживец мой взял и выбросил ее в помойное ведро сразу после награждения, громко послав всех подальше. Мне мать не дала повторить этот поступок. Отняла медаль и хранит ее теперь в своей шкатулке. А я подумал, и правильно. Мстить надо, а не медалями швыряться. Всем вот этим, которые сидели тут, отжирались по институтам. Тогда все про нас забыли, все. Мать ведь и к родителям моих одноклассничков ходила, к крутым людям. И никто не помог, только нос при виде ее воротили. Так что пусть тоже теперь помучаются. Как мы. Когда не знаешь, откуда ждать очередной выстрел, когда не видишь врага в лицо. Короче, когда хреново, а главное страшно.

Нужна цель в жизни. Так учили в долбанной школе. Ну так я ее себе поставил...

Январь, 1990 год

Мы долго с Машкой обдумывали, куда бы нам поехать на зимние каникулы. Мы обе учились в «женских пансионах» – институтах, где среди студентов абсолютное большинство составляли девушки. Поэтому искать женихов надо было на стороне. Одним из вариантов являлась поездка в дом отдыха на зимние каникулы. Нам рассказывали чудесные истории о случившихся там романтических знакомствах, и после того, как мы на своей шкуре испытали почти все возможные другие варианты – дискотеки, поездки на море, кафе – на четвертом курсе было решено ехать в Подмосковье.

Выбранный дом отдыха имел символическое название «Отличник». Выйдя на платформе из электрички, мы обнаружили, что с нами высыпала целая куча девиц, и самое главное все они направились к автобусам, на которых была прикреплена табличка «Д/О «Отличник».

По прибытии на место мы были расселены в комнату №1 корпуса №1 с колоннами. Напротив нашей комнаты находился мужской душ, а неподалеку виднелся женский туалет и душевая. Горячей воды в женском душе не было, что послужило причиной нашего некоторого замешательства.

– Будем ходить в мужской, – провозгласила Машка, не очень, впрочем, уверенным голосом.

Позже выяснилось, что посещение мужского душа проблемой не является, так как в корпусе селили строго по половому признаку. Соответственно, мы с Машкой попали в женский, что логично. И душ мужской простаивал совершенно.

Далее по графику следовали соответственно обед, полдник и ужин в столовой, в которой как ни странно собиралось довольно много молодых людей. Уже за обедом нами были замечены пятеро симпатичных мальчиков, которые нагло нас рассматривали в бинокль, что, однако не привело ни к каким последствиям.

После полдника состоялась увлекательнейшая беседа прибывших отдыхающих с директором дома отдыха, во время которой выяснилось, что спать надо ложиться не позже 23.00. Далее корпуса закрываются на замок. Друг к другу мальчикам и девочкам в гости ходить нельзя, встречаться можно только «на людях» – на улице, в столовой и в холлах корпусов. На собрании мы увидели еще двоих симпатичных молодых людей, после чего воспрянули духом, решив, что семь приличных особей мужского пола – это уже вполне достаточно для веселого проведения досуга в течение одной недели.

После беседы с директором нами было написано на снегу на скамейке: “We are ready for desire”. Эту фразу уже несколько месяцев с удовольствием мусолил весь иняз, и так и этак вставляя ее в различные контексты. Мальчики фразу поняли и задали вслух следующий вопрос:

– В какой комнате вы “ready”, девочки?

Вечером, через окно к нам зашли в гости три молодых человека: Саша (в очках), Леша (с длинными ресницами) и Руслан (внешне ничего из себя не представлявший и соответственно не представлявший для нас никакого интереса). Ребята пришли с несколькими бутылками вина, кои и были распиты в течение вечера. В два часа ночи гости были выдворены обратно к себе в корпус тем же путем, что и пришли. То есть через окно. Наша честь не пострадала, достоинство тоже. Вполне самостоятельно мы с Машкой отошли ко сну.

На следующий день ситуация повторилась: мы опять пили вино в нашем номере, что категорически запрещено делать в доме отдыха. Наши кавалеры опять уходили через окно, правда на этот раз с еще большим трудом. Тем не менее, мы отошли ко сну собственными силами.

Утром мы решили, что неплохо бы все-таки сходить в гости к новым знакомым. Тем более, что в их номере почему-то была индивидуальная ванная. После обеда, который фактически являлся нашим завтраком (иногда Машка спрашивала: «А зачем суп-то?», я популярно объясняла подруге: «Понимаешь, Маш, у них тут сейчас уже обед»), мы посетили мужской корпус, от души помылись и выпили немножко предложенной щедрыми поклонниками водки, закусывая ее сервелатом с хлебом, утащенным из столовой. Затем мы вернулись в номер и внаглую вдвоем выпили значенную бутылку шампанского и съели шоколадки. После ужина Саша прочитал нам краткую лекцию по популярной сексологии, а затем мы перешли на беседы о семейной жизни. Вечер прошел в трезвой, теплой, дружеской обстановке.

В остальные дни мы гуляли в лесу, фотографировались, плевали в потолок (большую часть времени), смотрели телевизор в холле, на совершенно трезвую голову орал песни у себя в номере и хором декламировали стихи. Как-то даже выбрались в местный поселок «Селятино», накупили эклеров и заодно изучили местную «Доску почета». Периодически мы совершали грандиозное распитие спиртных напитков. Этот вид деятельности напрямую зависел от наших кавалеров, которые их и закупали.

За два дня до отъезда Саша предложил подбросить нас до дома на своей машине, у него оказывается была машина! Жигули. Очень даже неплохо. Мы, конечно же согласились. Чревато это было только одним – ребята уезжали на день раньше, чем заканчивалась наша путевка. Это была совсем не большая жертва. Так мы дружно отправились в Москву. Я – с чувством полного удовлетворения от отдыха, Саша мне нравился, я нравилась Саше. В общем цель поездки была достигнута. У Машки взаимной любви ни с кем не вышло, но она тоже была довольна проведенными каникулами, тем более, что все-таки в Москве у нее был какой-никакой друг.

Мы ехали мимо заснеженных подмосковных лесов, смеялись и, наверное мечтали, каждый о своем.

* * *

Ну эта-то живет просто в соседнем подъезде. Самое простое. Шастает туда-сюда – утром в институт, днем – из института. Некоторых вычислить было так же несложно. Большая часть по-прежнему шаталась по нашему району. От школы пока далеко никто не съехал. Я завел картотеку. В уме! Ну в том, что они считали у меня отсутствовало. Писать на всякий случай не стал. Сложно всех упомянуть. Два класса – А и Б. Черт их подери. Шестьдесят с лишним человек. Не фунт, блин, изюма. Но цель была – все, все до одного. Другое дело торопиться некуда. Вся жизнь впереди, типа надейся и жди.

Исключать никого было нельзя. Ну чтоб никому опять же обидно не было! Так что всех надо учесть, всех.

Февраль, 1990

Я пребывала в состоянии влюбленности. Мы уже месяц встречались с Сашей, и я не смела верить своему счастью. Моя жизнь стала делиться на его звонки. Хорошо, что он звонил часто! А то я бы сошла с ума от нетерпения, ревности и еще черт знает чего. Я видела все Сашины недостатки – а их было немало. Но меня не смущала пока еще его пассивность, прижимистость, желание в будущем есть мной приготовленную кашу на завтрак (на тот момент ее ему готовила бабушка). Последнее меня смущало почему-то больше всего. Моя свиная натура никак не могла позволить, чтобы я встала рано утром и приготовила мужу кашу. Ладно бы что-нибудь типа творога просто быстренько вынуть из холодильника и поставить на стол. Тут же требовалось совершить более сложные действия, да еще и встать раньше, чтобы успеть все это сварить.

Тем не менее, весь этот месяц я жила под лозунгом «Жизнь – хорошая штука!». Я старалась не замечать того, чего мне не хотелось замечать и это до поры до времени удавалось.

* * *

Значица, соседка моя ходит, мимо: «Привет!» И в подъезд. В коротких юбках, каблучищами цокает. Хотелось как-то ее закадрить, но она смотрит мимо, как будто я стена. Парень ее возит на Жигулях. Думает круто. Но она не первая будет. Не. Живет рядом. Не денется никуда. Там есть более интересные экземпляры. Одна вот переехала в тьму-таракань, на самую окраину. Но там зато и попроще – народу мало, вечером темень. Начал вспоминать, чего она мне плохого сделала. Ну списывать не давала. Это факт. А не давала списывать, значит уже повод есть.

Март, 1990

Что происходило в марте? В марте я начала обращать внимание на других мужчин. Я еще не знала, что это первый признак того, что любовь моя к Саше остывает. Просто, подумала я, весна пришла.

Весна обычно приходит на нашу Родину не с первыми грачами, прилетевшими с юга, а с праздником 8 Марта. Первые цветы, первые теплые лучи солнца, дурманящий весенний воздух. Втроем – я, Саша и Руслан – топаем 8 марта в Большой театр. По стечению обстоятельств сидим мы в восьмом ряду: я в середине, по бокам два друга. Уже на первых минутах балета буйны головешки склоняются с обеих сторон на мои плечи. Я старательно смотрю на сцену, но когда молодые люди начинают похрапывать, я дергаю плечами, они вздрагивают и перестают храпеть. Впрочем, вскоре они снова засыпают, и весь сценарий повторяется снова.

Впервые именно там в Большом я начинаю чувствовать, что Сашка меня раздражает. После спектакля он провожает меня домой, и мы договариваемся на следующий день пойти в гости к его другу, у которого девятого день рождения. И вот на друга-то в качестве другого мужчины я и обратила внимание. Он тоже проявил ко мне интерес, и мы проболтали полночи, в то время как Саша спал глубоким сном в соседней комнате. Я понимала, что это было началом конца.

Сашка обиделся на меня за подобное предательство, но тем не менее мы довольно мирно на следующий день разъехались по домам...

* * *

«Молодая девушка была убита в своем подъезде поздно вечером. Убийство совершено тяжелым предметом. От одного удара по голове девушка скончалась на месте задолго до приезда скорой помощи, которую вызвал один из жильцов, зашедший в подъезд после прогулки с собакой. По его словам, никого подозрительного рядом с домом он не видел. Мотивы преступления выясняются.» (Газета «Вечерние новости», 29 марта, 1990 г).

Апрель, 1990

К дню рождения Ленина мы подошли во всеоружии – и я и Саша, оба были готовы расстаться, но серьезный повод все не подворачивался. Мы по инерции встречались, сидели в кафе, болтали, правда уже без прежнего энтузиазма. Мы понимали, что со дня на день что-нибудь да случится. Не может не случиться. Мы либо сильно поругаемся, либо просто что-то третье, стороннее вмешается в нашу жизнь и заставит расстаться.

На самом деле повод у нас был. Мы прекрасно целовались, но далее дело никак не шло. Не шло, во-первых, потому что было негде. Во-вторых, даже если и было где, у нас ничегошеньки путного не выходило. Точнее у Сашки не выходило. На тот момент я считала, что в мою задачу входит только лежать тихо-мирно в постели.

У Саши в апреле тоже, как и у Ленина, был день рождения. Я купила ему огромного белого мишку. Мишку дарить было жаль. И это тоже было признаком угасающей любви – разве любимому человеку может быть жаль дарить подарок?

Еще в апреле я съездила в гости к подруге в Химки. Так как это расстояние немалое, то и ездила я к ней редко. А тут решила все-таки выбраться. С Наташкой мы ели пироги, болтали и гадали. Мне были нагаданы перемены и хорошие известия. Ну что ж, будем ждать...

Как-то раз поздно вечером Саша подвозил меня до дома. Он как всегда остался в машине ждать, пока я дойду до своего подъезда. Путь был недолгим, буквально несколько метров, но я умудрилась посреди дороги все-таки застрять – встретила своего одноклассника Женьку. Мы начали разговаривать, Саша соизволил вылезти из машины, чтобы поинтересоваться все ли в порядке. Я крикнула в ответ, что все ОК и мы продолжили болтать о наших одноклассниках, учебе и прочей ерунде.

На следующий день после практики, на которую дружно ходила наша группа в одну из спецшкол, я пошла к Аньке шить юбку. Шить я категорически не умела, но Аня умела все (правда это все она делала средненько, но зато «умела»). Мы бодро строчили на машинке, что-то мерили, соединяли и конечно же болтали. В какой-то момент я вспомнила о вчерашней встрече с Женей и рассказала о ней Аньке.

– Дааа, – протянула она задумчиво, – Женя ооочень даже симпатичный мальчик.

– Разве? – я никогда Женю не воспринимала как симпатичного мальчика. Ну учился с нами довольно-таки тихий Женя, средненько так учился. Не очень-то я его и замечала в школе.

– У него же голубые глаза и длинные ресницы, фигура хорошая, ну одним словом он симпатичный, – завершила Анька свое не очень длинное описание, откусывая зубами нитку.

Я задумалась, представила себе Женьку. Действительно, brunet с голубыми глазами и хорошей фигурой. Действительно ничего. И я согласно покивала головой.

* * *

Нет, некоторые у нас ходили оказывается в армию. Удивительное дело. Как они там выжили, очкарики эти? Я поставил первую галочку. Просто все было сделать. Железку обернул в тряпку и бум по голове. Все, каюк. И пошел домой. Железку положил в клетчатую сумку, с которой на рынке чуваки ходят. Нормально на метро доехал. Но далековато она все-таки жила. Еле успел на пересадку до закрытия.

На работу хожу. Мать сказала, хватит на диване лежать. Жрать надо. Сама ходит на свой завод, а там уж давно денег не платят. Какая, блин, разница, на диване лежать или на завод за так ходить. Но меня тут пристроили электриком в ЖЭК. Из меня, конечно, электрик, как балерина. Но ничего, ходим с Пальчем. Пальч пьет беспробудно, но зато в электрике соображает. Он мне говорит, чего куда тыкать. Я тыкаю.

Май, 1990

Случилось это в общем-то буквально через пару-тройку дней после описываемых выше событий, но формально все-таки уже наступил месяц май. Было очень жарко, я сидела на балконе в красной майке и короткой джинсовой юбке и пила специально доведенный до состояния «холодный» чай. Готовых холодных тогда в продаже еще не было, и они совсем нескоро появятся. Лет через десять как минимум, а то и больше.

Мне было лень шевелиться. Слава богу, этого и не требовалось – на дворе стояли майские праздники. Зазвонил телефон, не мобильный, обычный. До мобильных было, конечно, не десять лет, но тем не менее...

Звонил Женька! Это ж надо. Я обрадовалась, потому что уже посмотрела несколько раз наши школьные фотографии и полностью согласилась с Аней по поводу его внешности. И даже успела посожалеть, что сразу это не просекла и как-то по особому не повела себя при нашей встрече. А тут такое совпадение – он мне все-таки звонит!

Я радостно щебетала в трубку о том, что у меня все в порядке, а на вопрос о том, чем я сейчас занята, бодро отрапортовала, что особенно ничем. Женька отреагировал правильно и пригласил сходить в кафе-мороженное.

Ради этого пришлось пожертвовать спокойным сидением на балконе. Был брошен на полчашке чай, быстренько была помыта голова, подкрашено лицо и только одежда осталась прежней (на мою красную майку и короткую юбку мужчины всегда реагировали отлично). Женька жил от меня в двух шагах, поэтому всю операцию я провела в рекордно сжатые сроки.

Во время нашей последней встречи Саша сказал мне:

– Я чувствую, что ты больше не хочешь со мной встречаться. Если это не так, то позвони мне в течение недели. Если ты не позвонишь, то я буду считать, что мы расстались.

– Хорошо, – ответила я.

Теперь, спеша на свидание с Женькой, я считала себя девушкой свободной – в течение означенной недели я Саше не звонила, а значит, мы расстались.

В тот день Женька мне понравился еще больше. Я оценила по достоинству его голубые глаза и то, как он ими на меня смотрел. Вечером я поспешила сообщить Машке о новой влюбленности, не поленившись дойти до ее дома через несколько кварталов.

– Ну ты, мать, даешь, – вздохнув прокомментировала мой рассказ подруга, продолжавшая периодически встречаться со своим бедным студентом, – впрочем я не удивлена.

Машка была не удивлена, так как считала меня ветреной особой. И мне никак не удавалось доказать ей, что совсем это не так! Просто не попался мне еще, видимо, мужчина, которого бы я сильно полюбила. Так сильно, чтобы встречаться с ним долго.

В мае от любви отвлекало только одно – учеба. Я пыталась сдать все, какие только возможно предметы досрочно, получив «автоматы», но это хоть требовало и меньше усилий, чем сами экзамены, но тем не менее каких-то требовало. Женька звонил, мы встречались, я бодро отвечала на семинарах и параллельно думала о том, куда бы поехать летом.

* * *

Соседка моя теперь встречается еще и с Женькой из нашего же класса. Удобненько-то как! Сразу двое. Женька, надо сказать, парень крепкий, но тут надо будет, раз – неожиданенко. Впрочем, они подождут. Нашел еще из района съехавших. В уме всех держу. И сразу так не буду по башке еще кого-нибудь бить. Пусть забудется тот случай. Хотя все в разных районах. Не сообразят. Связь не установят. Меня не зря по башке били в армии. Толк вышел. Сейчас иногда еще током бьет. Не всегда могу нормально тыкать, куда Палыч велит. Иногда бьет. Но не сильно. Нормально. Может тоже даже полезно для ума и общего здоровья.

Июнь, 1990

В сессию мне оставалось сдать всего два экзамена. Я пыталась не расхолаживаться и готовиться. Женька отчасти мне в этом помогал, так как у него-то была вся целиком сессия впереди, и встречаться очень часто нам не удавалось.

Тем не менее, мне как-то не думалось. У нас шла всю поцелуйная стадия, поэтому думать я могла денно и нощно только «о нем и о нем». Я лежала на своем диване и слушала музыку. В основном Цоя. Он барабанил мне по мозгам звездой «по имени Солнце» и меня это почему-то настраивало на романтический лад. Я гоняла пленку туда-сюда, так как на другой стороне был записан первый диск, а он мне нравился меньше. Приходилось, дослушав до конца вторую сторону, перематывать все назад. Но это было не страшно – несколько минут тупого рассматривания магнитофона – и вот «стоп» и поехали снова-здорово. Еще, конечно, хорошо романтически лежалось на диване под «Наутилус». Бутусов очень надрывно кричал в микрофон «Я хочу быть с тобой и я буду с тобой!», и мне хотелось плакать в подушку от неразделенной любви. Любовь, правда, была разделенной, но взрыднуть все равно хотелось. Учебники валялись нетронутыми...

В конце месяца мы наконец вздохнули свободно – все, что нужно было сдано, и мы получили свои честно заработанные каникулы. Еще раз обмусолив все возможные варианты отдыха, остановились на Дагомысе. Нам показалось, что это круто. Денег, правда, хватало только на поезд в плацкарте и съемную комнату – на авиабилет и дом отдыха мы не рассчитывали. В тот момент нас уже потряхивало друг от друга конкретно. С Сашей мне целоваться нравилось, но не более того. С Женькой же было трудно не перейти к «более того» сразу, без особых прелюдий.

В девушках я уже не ходила чуть меньше года. Вся наша теплая компания лишилась невинности примерно в одно время и по одному сценарию. Сценарий был прописан для нас Анькой, которая провозгласила в свое время, что невинность надо терять к двадцати годам, не позже. А самое главное, терять ее надо было с тем, кого не очень сильно любишь, чтоб потом с ним на всю жизнь не остаться – с этим первым и не дай бог последним. Мы посмеялись и ... так все и сделали. Не нарочно, просто так вышло.

У меня, например, случился курортный роман, который закончился ровно с окончанием отдыха. Я честно рассчитывала, несмотря на Анькины предупреждения, на продолжение, но его не случилось. Сама Анька выбрала из своих многочисленных кавалеров самого на ее взгляд опытного, да еще и наименее в нее влюбленного. Она открыто ему объявила о своих намерениях сделать его своим первым мужчиной и, захватив из дома чистые трусики, поехала к молодому человеку домой. Машка долго чего-то мудрила, но потом к осени призналась, что и она уже того-с, не девушка. Ухажер тоже исчез в неизвестном направлении.

С тех пор повторения сексуального опыта не случилось. Да и до Саши я особенно ни с кем не встречалась серьезно, а с самим Сашей как-то не сложилось.

Теперь проблема была опять в том, что негде. Женька жил с мамой, я с родителями. И все как-то не складывалось освободить помещение. Даже если все «шнурки» куда-нибудь сваливали, по каким-то причинам явки проваливались. Мы так и останавливались на целовании, сильном целовании и совсем уже сильном целовании. Далее либо неожиданно возвращались родители, либо в дверь звонила подруга, либо случалось еще какое-нибудь стихийное бедствие. Учитывая тем более не очень частые капитальные отлучки старших товарищей из дома, картина складывалась неприглядная.

Ну и мы, конечно, волновались перед поездкой. Все-таки почти целый месяц вдвоем, первый раз, можно сказать кинутые на произвол судьбы. Дома мы оба, естественно, наврали, что едем с друзьями в большой компании. В эту компанию вошли все известные нам особи

мужского и женского пола, чтобы потрафить родителям обоих полов. В моей компании, в частности, якобы присутствовала Машка (уезжавшая в то же время с родителями в Светлогорск), Анька (уезжавшая чуть ранее нас в Болгарию) и Марина (остававшаяся в Москве, но жившая совершенно в другом районе и вообще малознакомая моим родителям). В Женькиной, конечно, находился ближайший друг Илья, а также Андрей и Дима. Координация их перемещений была уже на совести Женьки. Совершенно точно уезжал Илья. Он вместе с нами прибыл на перрон, но только отправился со своими институтскими друзьями не до Сочи, а куда-то в сторону Крыма.

* * *

Эти соседские ходят, целуются. А я пока отслеживаю того одноклассника из другого района. Много все-таки в голове не укладывается зараз. Надо отрабатывать их по одному. Еще хочется списочек иметь и галочки ставить. Так, конечно, гораздо удобнее. Но пока в списочке не все шестьдесят четыре человека, и галочка пока только напротив одной фамилии. Помню, в голове держу! Тут у меня целый подъезд вырубило. А Палыч лежит, не может даже слова сказать или пальцем задать направление, куда тыкать. Так они сутки там без света посидели, но ничего, потом Палыч очухался, опохмелился, и мы пошли чинить. Народ дал нам водки бутылку. Палыч опять ушел в запой. Так что если опять вырубит у них, так они и виноваты сами. Мать говорит, запоминай, куда тыкать, Палыч помрет от перепоя, чтоб сам мог чинить. А мне куда ж столько информации, мать не понимает, что я выстраиваю стратегию, как говорил наш капитан в армии. А Палыч, думаю, протянет еще, крепкий мужик.

Июль, 1990

В поезде было не до секса и даже не до поцелуев – плацкарт был забит битком. Хорошо еще у нас были две боковые полки. Несмотря на то, что мимо все время ходили люди толпами в туалет, в другие вагоны и еще бог весть куда и бегали ошалевшие от жары дети, у нас все-таки был свой столик и некое свое пространство по вертикали – хочешь лежи на верхней полке, хочешь сиди на нижней.

Всю дорогу мы смеялись собственным глупым шуткам, ели заготовленную обеими мамами заранее в каких-то угрожающих количествах еду и пили. От того, что пили хотелось как-то удовлетворить свои низменные сексуальные потребности еще больше, но приходилось стоически терпеть.

Как раз за год до этого я посмотрела по видео фильм «Эммануэль» и не могла не провести параллель между перелетом главной героини из Парижа к мужу в Таиланд и ее приключением в туалете самолета с одним из попутчиков, а также нашим существованием в плацкарте. Наш туалет явно проигрывал. То есть вообще не выдерживал никакой критики на предмет не только занятий там сексом, но и даже на предмет использования его по прямому назначению.

Поэтому мы терпели.

Высадиться было решено в Сочи и дальше не ехать. Было жарко, очень хотелось сойти уже с поезда и окунуться в море. Женя сгрузил наши вещи, велел возле них стоять, а сам пошел «по женщинам» – выбирать жилье. Я сравнивала Женьку со своими предыдущими кавалерами, и сравнение было не в их пользу. Все предыдущие мальчики были довольно-таки инфантильны, никакой инициативы не проявляли, только и делали, что просили каши на завтрак. Женя все всегда брал на себя, и в мелочах, и в делах покрупнее. Билеты на поезд купил сам, избавив меня от многочасового стояния в очереди, теперь побежал искать квартиру. Я же принцессой стояла около сумок и ждала своего принца. Принц вернулся быстро. Тетечка сдавала обычную однокомнатную городскую квартиру, со всеми удобствами, недалеко от центра и минутах в двадцати от моря. Но к этому прилагался проход на закрытый пляж гостиницы «Жемчужная», в которой тетечка работала главной по хозяйству.

Квартирка оказалась вполне пристойной. Мы бросили вещи, переоделись и помчались на обещанный закрытый пляж.

В первый вечер было решено шикануть и сходить в небольшое кафе на курицу-гриль. Обрато мы возвращались медленным шагом, останавливаясь через каждые десять метров для того, чтобы ну все-таки наконец поцеловаться по-человечески. Дома нас ждала большая двуспальная кровать – пути назад никак не было. Ни так ни этак.

Не включая свет, в полной темноте мы, кое-как побросав нехитрую летнюю одежду на пол, наконец-то сделали то, к чему так долго стремились. Мне понравилось, все было замечательно. То, что чего-то все-таки недоставало, я еще не знала, и в принципе на тот момент это было и не важно. Мы были вместе, Женька любил меня, я любила Женьку, и в прямом и в переносном смысле. Я впервые чувствовала, что со мной рядом не просто мой ровесник, а мужчина, на которого можно опереться, к которому можно прислониться, рядом с которым так приятно заснуть.

Три недели пролетели незаметно. Мы существовали вместе, так как будто всегда так и было, будто всю жизнь мы только и делали, что вдвоем ездили отдыхать. У нас не случалось даже каких-то мелких ссор или незначительных недопониманий друг друга. Мы топали с утра на море, обедали в кафе рядом с пляжем, снова шли на море, вечером возвращались домой, по дороге покупая что-нибудь съестное в магазине, и чаще всего никуда уже потом из нашей квартирки не вылезали. В постели мы все больше и больше привыкали друг к другу, спать

становилось все комфортнее, уже не шла борьба за место под одеялом и за лишний кусочек кровати.

Как-то раз, почти перед самым отъездом мы решили сфотографироваться у местного фотографа с маленькой обезьянкой. Это была наша первая общая фотография. Когда мы ее получили, мы сели на скамеечку, чтобы посмотреть на нее повнимательнее. Женька, не поднимая глаз, вдруг взял меня за руку и сказал:

– Давай, когда приедем в Москву, сразу пойдем и подадим заявление, – я чувствовала, как он волновался – голос его не выдавал, но рука сжала мою так сильно, что мне показалось, я уже не смогу разжать свои пальцы. Но я тоже заволновалась и сидела и просто молча смотрела на Женю. Он мой будущий муж? Мы будем вместе «пока смерть не разлучит нас»? – пришла в голову строчка из какого-то иностранного фильма. Я думала о всей той огромной жизни, которая нас еще ждет впереди.

– Пойдем? – Женя переспросил, слегка тряхнув рукой, в которой была все также крепко зажата моя. Я перестала думать о будущем.

– Да, да, пойдем, – покивала я головой. Мы встали и пошли, Женя не выпускал мою руку, другой рукой я держала фотографию и иногда поглядывала на нее сверху вниз, представляя нас на ней в свадебных нарядах. Обезьянка при этом все также сидела у нас на руках. Меня это не смущало.

* * *

Палыч меня тоже пытается приобщить к водке, но я не пью. И так, бог ума не дал особенного, так еще если выпью, совсем плохо соображаю. Встретил тут на днях нашу училку по физике. Она посмотрела на меня, как на больного и сильно заразного и говорит: «Ну что, как живешь-то? Устроился куда-нибудь?» Я гордо ей: «Электрик я, в ЖЭКе. Так что если что, зовите, лампочку вкручу». Она от меня шарахнулась, попрощалась и пошла дальше. Но я как-то на учителей зла не держу. Они сами убогие. Денег нет, все обтрепанные какие-то. А одноклассничков как встречу – они все норовят обидеть. Девки вообще гулять со мной не хотят. Не вышел я им мордой и умом. А я может и не вышел, но тряпочку-то с кровью кинул в другом районе, не где по голове Ольку тюкал. А живу и вовсе в другом месте!

Август, 1990

Весь месяц прошел в каком-то угаре. Мы друженько готовились к свадьбе – кроме нас с Женей, оказывается жениться собрались и Машка с Эдиком. Бедный студент дозрел до того, чтобы сделать ей предложение, отказываться она, ясное дело, не стала.

Родители были заняты поиском приличного ресторана и закупкой нескоропортящихся продуктов. Все возможные заказы на работе выгребались ими подчистую, все спиртное закупалось и складировалось на балконе, банки складывались под кровать, кульки с конфетами рассовывались по шкафам. Женьке шили в ателье костюм, я бегала со своим свадебным талоном по магазинам и мерила, мерила, мерила. Туфли купились как-то сразу, с платьем были проблемы.

Машка выходила раньше меня почти на целый месяц, они втихую подали заявление до ее отъезда на отдых с родителями. И теперь до сентября им надо было успеть то, на что у нас было все-таки на тридцать дней больше.

Тем не менее, они умудрились в этот же срок, помимо подготовки к свадьбе, сделать ребенка, и Машка плюс ко всем сложностям плохо себя чувствовала. Ее тошнило, ей все время хотелось спать и единственное, что успокаивало это то, что купленное платье должно еще будет на нее налезть.

Мысль о том, что вследствие всех вышеописанных событий, может случиться ребенок, начала периодически посещать мою голову. Мы старательно покупали презервативы, но проблемы было две: первая – они не валялись всюду, на всех прилавках, выполненные в самых разных модификациях; мы их доставали через мою однокурсницу, у которой мама работала в аптеке, вторая – мы, честно говоря, порой в пылу страсти просто забывали использовать их по назначению. Когда заходил на эту животрепещущую тему разговор, Женька спокойно говорил:

– Ничего страшного, институт ты как-нибудь все-таки закончишь. У тебя в отличие от Машки последний курс. А мама моя нам, если что поможет.

Я немного успокаивалась, теряла бдительность и единственной мерой предосторожности, которой я неустанно придерживалась, было принятие душа после секса. Почему-то этот метод на многие годы прочно будет удерживать лидирующее место в качестве средства предохранения среди моих подруг, и хотя гигиена никому еще не мешала, зачатую это никак не препятствовало.

Машку мучил токсикоз, а я просыпалась каждое утро с бодрой мыслью, что «ура! Меня не тошнит, а значит я не залетела». Далее я, как на работу, шла по магазинам. Иногда мне звонил кто-то из наших родителей и вызывал стоять с ними в очереди, чтобы купить «еды» на двоих, а чаще на троих, так как Женю вызывали в таких случаях тоже. Мы дружно отстаивали очередь, покупали положенное на каждого человека количество банок, килограммов или бутылок, а потом тащили все эти сумки по домам. Мне казалось, что у нас провизии заготовлено на целый полк, но родители были уверены в обратном: ресторан можно было заказать только в качестве большого помещения со столами и стульями. Они обеспечивали какой-то самый минимальный минимум еды, а остальное надо было добыть самим.

В те разы, когда никто меня никуда не вызывал, я шла искать платье. Как-то раз я вернулась домой в ужасном расположении духа, так как нужное платье все не находилось. Я называла то, что мне предлагали «сплошной совдепией» и отказывалась в этом ужасе идти на собственную свадьбу. Позвонила моя бабушка, и я ей выложила всю эту мою грустную историю. И тут бабушка предложила мне шить свадебный наряд! Бабушка была не так уж и стара и она действительно всю жизнь очень хорошо шила, но свадебное платье!?! Бабуля заверила меня, что все, что ей нужно – это выкройка и ткань.

Ткань мы нашли быстро. Мужчина, шивший костюм Женьке, раздобыл нам по блату через свое ателье шикарный отрез белоснежной ткани и к нему еще кучу всякой фурнитуры – кружев, лент, специальных пуговиц и даже какую-то штуковину, которая вставлялась в подол юбки для того, чтобы сделать ее пышнее.

С бабушкой мы просмотрели несколько журналов «Бурда-моден», заграничных каталогов, невесть как попавших в разное время в наш дом и хранимых все эти годы в качестве некоего образца хорошего вкуса и высокой моды.

В итоге платье было содрано со свадебной фотографии какой-то американской актрисы. Оно не имело выкройки, но моя умелая бабуля сличила что-то с чем-то в журналах «Бурда», составила разные верхи и низы вместе, удлинила, укоротила и прибавила, ну и начала шить.

Озадачивать бабушку еще и шитьем наряда на Машкину свадьбу у меня не хватило наглости. Вместе с мамой мы поехали в конце августа в магазин «Люкс» в Олимпийской деревне, в который пускали строго по спецталонам. Спецталон раздобыл на работе папа – все понимали, что свадьба это святое и отдали ему талон вне очереди.

Из «Люкса» мы вышли очень довольные собой – наряды были куплены и мне и маме. Было жарко, ехать домой было далеко, но все эти мелочи испортить наше настроение уже не могли. Женька к тому времени перебрался как-то незаметно жить ко мне, поэтому свои пакеты я перетащила сразу к маме в комнату и спрятала в шкафу, несмотря на его отчаянные просьбы показать хоть что-нибудь. Я хотела неожиданно сразить Женьку наповал. Он возражал, что уже сражен наповал, и сражать его больше не надо, но я была непреклонна.

* * *

Эти-то из соседнего подъезда жениться собрались. Я думаю, а ведь как прав был, что их на потом оставить решил. Каково это будет подождать чуток, а потом разом, как говорится, ячейку общества и хлопнуть! Она все бегаёт из двора – во двор. Целыми днями. «Платье, – говорит, – ищу». Ну ищи. Платье пригодится. А там посмотрим. Осенью займусь Борисом. Он переехал и далеко живет. Уж два месяца его пасу. Теперь я спец – знаю, где выключить свет в подъезде. Так, конечно, тюкать по башке сподручнее. Железка на балконе валяется, как бы между прочим.

Никогда на море не был. Эта соседка моя загоревшая ходит. Зараза. А я чуть на солнце, сразу красный как рак. Тут на речке сидел целый день, стратегию прорабатывал. Так вечером весь чесался, сторел. Мать ругалась, извела на меня банку сметаны. Но чесаться перестало. Жрать, правда, суп не с чем. Хотел у соседей спереть немного, а и у них нету. Пойду завтра посмотрю, может будет сметана в магазине. Банка стоит, черт, не мытая. Надо замочить на ночь, а то не во что лить сметану будет.

Сентябрь, 1990

На свадьбу своей подруги я собиралась с чувством, с толком, с расстановкой. Я была свидетельницей, а значит вторым после невесты человеком на свадьбе (среди женщин, разумеется). На мне была удлиненная черная узкая юбка и длинная голубая тонкая блуза, перехваченная на талии широченным черным поясом. Голова была вся в свеженакрученных кудрях. Первым отпал Женька, а значит основная задача в принципе была выполнена.

На свадьбе мы всю танцевали со свидетелем со стороны жениха – тем самым Максом, с которым нас познакомили первого января, что впрочем не имело никакого романтического продолжения. Тем не менее, он мне нравился, мы много танцевали, а потом я заполучила первую крупную ссору с собственным женихом. Поздно вечером мы с Женькой возвращались домой. Сначала он долго молчал, а затем высказал мне все, что он думает по поводу моего поведения. Меня поставили на место, меня отчитали, отругали и приволокли домой в состоянии полного нестояния. Я ведь и выпила много, поэтому сраженная всеми Женькиными доводами наповал, я рухнула в постель и крепко заснула. Женька понял, что до совести моей он не достучался – меня явно не мучила от стыда бессонница и я даже не пыталась оправдываться (на самом деле, совершенно не было сил). Утром мы, правда, помирились, как говорится, не выходя из постели.

Мое свадебное платье было почти готово. И оно было шикарно! Матери бабушка угрожала на него столько, сколько в ателье расходуют, наверное, на несколько платьев, но зато юбка состояла из нескольких слоев, а на талии красовался пояс с огромным бантом сзади – ну точно как на той фотографии из американской жизни. Это было платье принцессы из сказки!

* * *

Интересно получилось: в ЖЭКе лежала какая-то толстенная книга. Оказалось списочки людей с адресами. Я там столько из наших классов народу нашел! Выписывать жаль нельзя. А с памятью у меня все-таки беда! Не запоминаю всех, ну никак. Ладно, начинать надо с дальних. Борьку изучил. Он учится днем, вечером, блин зубрила, сидит дома. Он и в школе, попросишь списать, нет, говорит, учи сам. Смех! Сам – соплей перешибешь, а туда же. Я его хотел побить много раз, но за Бориса некоторые были горой, он им почему-то списывать давал.

Некоторых сейчас на улице встречаю, кто здоровается нехотя, а кто и нет. Сволочи, одно слово. Повырубать бы им всем свет и по башке железкой. Разом. Но тогда цели в жизни не будет. А она должна быть. Иначе зачем жить?

Октябрь, 1990

Меня по-прежнему не тошнило, с Женей мы помирились, к свадьбе все было готово, учеба не клеилась, так как было не до нее. То есть в институт мы исправно ходили, но часто пропускали первые пары, а на остальных слушали преподавателей вполуха. Сразу после свадьбы мы собирались ехать за шмотками в Китай, официально назвав эту поездку «свадебным путешествием». Женя твердо намеревался начать зарабатывать деньги и первый пробный камень в этом направлении был запущен в сторону китайской границы. Подбиралась компания в основном «бывалых» шопников, но в каждую такую поездку брали всех желающих что-то сделать на ниве одевания нашей страны, поэтому нас тоже взяли и даже обещали показать, где и что надо покупать. Вопрос «на что покупать» стоял более остро, но всем было строго велено в качестве свадебного подарка нам дарить деньги, и вскрыв подарочные конверты с деньгами мы поняли, что стартовый капитал у нас все-таки есть.

Родители были против подобного вложения денег. Они работали на государственных предприятиях и считали, что нам надо тихо-мирно заканчивать институты и идти куда-нибудь работать. То, что это «куда-нибудь» имеет весьма призрачные перспективы, особенно для Женьки с его инженерно-техническим высшим, для них существенной роли не играло.

Мы с Женей объединились и единым фронтом, как уже семья и совершенно отдельная ячейка общества, отстаивали свое право на поездку. Мои родители и Женина мама поохали, пообсуждали всласть наш поступок, но вынуждены были смириться. Мы сидели в моей комнате и праздновали победу оставшимся после свадьбы вином.

* * *

Ой, свадебку-то видел. Шел как раз в продовольственный за подсолнечным маслом. Воняет оно – страсть! Но надо ж на чем-то и жарить. Тут мать права. А моя соседка выкатила из подъезда в таком белом пышном платье, как из детских фильмов про сказки. Принцесса! Я встал, полюбовался. Думаю, живи, дура, пока. Такую красоту даже жаль по голове бить. Но может чего и придумаю за годы-то тренировок!

Ноябрь, 1990 – февраль, 1991

Перелет в Китай проходил в дружеской пьяной обстановке. Весь самолет летел на Восток с одной целью, и в этом едином порыве пил за успех предприятия. Мы с Женей составляли небольшое исключение из общего правила – мы летели в свадебное путешествие, во-первых, и только во-вторых, в шоптур.

В Пекине нас поселили в дешевенькую гостиницу, с дрянными номерами, но зато она находилась недалеко от огромного рынка, забитого дешевыми китайскими товарами. Чего там только не было! Сначала мы пытались что-то выбирать, но товарищи нас быстро просветлили на этот счет: выбирать не надо, надо брать кучей. Кучу легинсов, кучу блузок, кучу юбок. Желательно на резинке, единого размера для всех комплекций, и разных цветов – чем ярче, тем лучше.

Тем не менее, мы не забывали, что путешествие свадебное. Кроме посещения рынка мы много гуляли по городу, фотографировались, ели палочками китайскую еду. Женя вел умные деловые беседы с «бывальными» членами группы, выясняя, где и как все это купленное барахло лучше сбывать.

После этой поездки вдвоем мы в Китай съездили еще один раз, снова совместив приятное с полезным, и отметили там Новый 1991 год. Меня продолжало не тошнить, но в январе уж больно долгой была задержка месячных, и гинеколог вынесла свое заключение: беременна. Я задала очень интересующий меня вопрос:

– Почему меня не тошнит?

– А почему это всех должно тошнить? – вопросом на вопрос ответила врач. – Не тошнит, и Слава Богу.

Я испугалась, потом обрадовалась, потом опять испугалась и в этом полном смятении состоянии со стопкой направлений на анализы вернулась домой. Женьки еще не было – он после института обычно мотался по рынкам, следя за сбытом наших шмоток и налаживая новые контакты в этой «рыночной» экономике. Я терпеливо ждала, одновременно пытаюсь найти у себя хоть один признак беременности, кроме отсутствия месячных. Признаков не было. Машку мучил токсикоз до сих пор, еще она периодически грохалась в обморок, и вообще ей свет белый был не мил.

Я же беременна оказывается была еще с Нового года и при этом бодро его отпраздновала в Китайской столице, прилетела обратно на Родину, сдала успешно (несмотря на полное отсутствие предварительной подготовки) зимнюю сессию и снова собиралась на каникулы лететь с мужем в любимищу страну, столь славно и в больших количествах шьющую одежду. Надо сказать, шмотки разлетались быстро, причем часть из них продавалась по знакомым еще до попадания на рынок. Женька поставил себе цель купить нам квартиру и поэтому сбавлять темпы не собирался. В нем явно проснулся талант коммерсанта. Я с ним ездила за компанию, да и килограммов веса на двоих было положено больше.

К приходу Жени я уже твердо решила с ним лететь, несмотря ни на какое свое положение, так как признаки этого самого положения так и не давали о себе знать. Это были мои планы, которые рухнули менее чем через час.

Женька поужинал, и я потащила его к нам в комнату – делиться новостями. Меня обняли, поцеловали много-много раз, и ... велели ну теперь уж, наконец, сидеть дома! Я не хотела сидеть дома! Но Женька проявил твердость – мне надо беречь здоровье, хорошо питаться и писать диплом. Про диплом было верно подмечено – его сдача надвигалась неумолимо, теперь у меня, правда, будет козырь – беременность, которая станет заметна к моменту защиты. А беременных у нас в институте побаивались и старались сильно их на экзаменах не мучить. Это было уже не раз проверено на залетающих в предыдущие годы одноклассниках.

* * *

Этот Новый год отмечали в ЖЭКе. Мужики собрались, тетки. Сели хорошо так отметили. Я много не пью, но в ЖЭКе обязательно надо. Иначе, вроде как, не свой. Палыч, как всегда, урюзюкался и ушел в запой. У кого если чего ломалось по нашей части после праздников, то я ходил один. Зато перепадало мне и бутылок и денег. Я старательно тыкал, иногда все сразу и чинил. Иногда не сразу, иногда вырубало другие квартиры зараз. Но так ничего. Все рады были, что я трезвый. Это ж редкость, когда из ЖЭКа и трезвый. То есть даже и не починил, а уже радость, что трезвый пришел.

«... совершено убийство. Несмотря на то, что нападение было осуществлено днем, свидетелей преступления нет. Убитый является студентом одного из московских вузов. Милиция пытается выяснить мотивы...» (Газета «Вечерние новости», 25 февраля, 1991 г.)

Весна-лето, 1991

Время летело быстро, несмотря на то, что меня теперь пестовали, холили и лелеяли и, несмотря на отличное самочувствие, держали под домашним арестом. Условно, конечно, под домашним – меня выпускали в институт (Женька, правда, пытался меня туда каждый раз провожать и встречать, это осложнялось тем, что он работал, и у меня была возможность посидеть иногда с подругами в кафе), меня выгуливали в парке. Женя мотался в Китай, к которому вскоре прибавилась Польша, работал, пытался как-то писать диплом, а я тухла дома в полном безделье.

Можно было, конечно, из дома слинять, но мой муж названивал мне домой из всех находящихся вблизи телефонов (до мобильных еще дожить надо было) и если меня не было дольше положенного, то он начинал дико волноваться и нестись домой на всех парах, чтобы узнать, не случилось ли чего.

В апреле родилась девочка у Машки. Родилась в страшных муках, в обыкновенном советском роддоме без излишних удобств, очень меня этим всем напугав. Вся семья в срочном порядке бросилась искать знакомства в приличных родильных заведениях. Все первые месяцы я вела себя тихо и спокойно, устраивая периодически своему мужу встряски только тем, что сбегала от его неусыпного контроля на какие-нибудь институтские тусовки, а тут у меня началась форменная истерика. И объяснялась она просто – по месту прописки роддом у меня с Машкой был общий. В нем рожать после ее рассказов я отказывалась категорически.

В итоге меня определили в Центр матери и ребенка. Рожать в нем было положено женщинам с патологиями, но по благу можно было и без них. Мне выписали направление, и я немного успокоилась.

Летом Анька, наша бывшая одноклассница, закончившая кое-как институт, по причине углубленного занятия продажей квартир, предложила и нам квартирушку недалеко от метро Белорусская. Квартирка была двухкомнатной, очень запущенной, но с другой стороны, и не очень дорогой, так как ее хозяева уже давно жили в Израиле и хотели сбыть свою жилплощадь побыстрее. Женька пересчитал накопления, коих оказалось немало вследствие активной торговли китайско-польским товаром, родители добавили, напрягшись ради такого дела, и мы совершенно неожиданно въехали в собственную квартиру.

На ремонт денег не было совсем. На мебель тем более. Все что стояло в обшарпанных стенах принадлежало давно съехавшим на Землю обетованную хозяевам.

18 августа мы первый раз ночевали на новом месте, а с утра девятнадцатого позвонил папа и сказал, что в стране переворот. Спросонья мы не совсем поняли, что случилось, но чуть позже Женька уже быстро начал собираться на работу. Они с друзьями к тому времени открыли в подвале маленькую фирмочку, в которой и занимались своим небольшим купипродай бизнесом. Женька ехал «согласовывать действия».

Я высунулась на улицу, несмотря на строжайший запрет высовывать туда свой нос. Закупила все, что продавалось в соседних магазинах (а продавалось, надо отдать магазинам должное, немного) и быстренько вернулась обратно. Мне было не по себе. Позвонить Женьке было некуда – мобильные все еще ждали своего часа, а в подвал телефон еще не установили. То есть теоретически он был, но спаренный с соседним детским центром, расположенным в том же подвале, но с гораздо более солидным сроком существования. Если в центре никого не было, то и в Женькину комнату дозвониться было невозможно, так как по каким-то загадочным причинам звонок проходил только к детям, и Женька его просто-напросто не слышал. Заведующая детским центром брала трубку, и если звали моего мужа, она со всех сил дубасила ему в стенку и орала для надежности: «Женяяяя! Возьми трубку!»

В тот день в детском центре, видимо в связи с путчем, не работали. А может быть ГКЧ-Писты отключили им связь. Не знаю. Но я сидела и волновалась, хотя мне это категорически воспрещалось в моем положении. До родов оставалось буквально несколько дней, а тут на тебе.

Чтобы усугубить положение, по телевизору гнали классику. Я ела все, что подворачивалось под руку, и очень жалела, что нельзя выпить. Периодически мы перезванивались с родителями и обсуждали последние новости. Почему-то, несмотря на все неудобства перестройки, никому не хотелось обратно в коммунизм. Я печально смотрела на сваленные в одной из комнат мешки с китайско-польским товаром, вспоминала Пекин и думала о том, что же мы будем со всем этим теперь делать.

Примерно к девяти часам вернулся Женька. Ему тоже было как-то невесело. Он выгреб на работе все деньги из сейфа, а своим торговцам велел пока сидеть дома. Я накрыла на единственный бывший в нашем распоряжении стол, который стоял в большой комнате, ужин, мы включили доставшийся нам в наследство черно-белый телевизор и уставились в экран. С него нам в программе «Время» стали вещать несколько товарищей с унылыми, постными физиономиями. Стало совсем безрадостно. Малопьющий Женька попросил водки. Я тоже поставила себе рюмку и плеснула в нее сок. Мы чокнулись за здоровье Горбачева и грозно посмотрели в сторону телевизора. Он продолжал нести полную околесицу про возвращение социализма, коммунизма и всеобщей справедливости. Оказалось мы успели как следует подзабыть, как все это когда-то было.

Я предложила открыть заначенную банку красной икры. Женька был «за». Часам к двенадцати мы съели все, что могли, Женя выпил под всю эту праздничную закуску бутылку водки, я допила сок. Страшно захотелось спать – все-таки папа нас рановато разбудил в тот день своим утренним звонком. Разобрав диван, мы тут же уснули, перестав мучиться за судьбу страны.

На баррикады вследствие моего интересного положения решено было не идти. То есть по этому поводу даже не велись дебаты. При всем моем активном образе жизни и передовом мышлении я не особенно туда и рвалась – видимо сработал материнский инстинкт. Единственное, чего нам серьезно хотелось на данный момент было не сохранение демократии и гласности, а завершение всей этой катавасии. По Москве ездили танки, и мы боялись, что если что, то не сможем доехать до роддома.

Впрочем ситуация довольно быстро нормализовалась. Уже на третий день путча стало ясно, что он проваливается потихонечку. Штурмом взять Белый дом не удалось. Народные герои взгромождались на танки и толкали речи. Царила всеобщая эйфория. Я сидела не у дел. Явно пропускала самое интересное.

Вскоре после путча случились-таки роды. Доехать до роддома мы уже могли без всяких проблем. Все Машкины ужасы меня миновали, волновала только несколько испорченная процессом фигура. Мне приносили на кормление нашего мальчика, и я называла его Малышом – мы с Женькой так и не удосужились за все девять месяцев придумать ему имя. Так как я в детстве очень любила книжку «Малыш и Карлсон», и мне очень нравился сам Малыш на иллюстрациях к этой книжке, то и своего мальчонку я с удовольствием называла по «имени» главного героя.

Малышом Саша у нас так и остался потом на многие годы. Даже когда он превратился в огромного дядьку и просил все-таки перестать называть его «этим дурацким прозвищем», у нас то и дело срывалось с языка: «Малыш!»

* * *

Две галочки в голове, две! Это хорошо запомнилось. Но тут я оторопел – моя одноклассница из соседнего подъезда съехала! Это ладно я просек, а если бы не просек? Ищи-свищи. Они правда уехали недалеко. Но пока б нашел. Изнервничался б. Но родители ее на месте. Так вот и просек. К ним-то она ходит в гости. И мне на вопрос: «как дела?», отвечает: «отлично,

купили квартиру с Женькой». Я думаю, во блин! Ну и еще она беременная. Ладно, нашелся тут еще один из другого района. Тоже случайно вычислил. Как в детективе, шел за ним прям от нашего метро до его нового места дислокации.

Тут еще случился путч. Я пошел защищать демократию на баррикады. Мать говорила не ходить. Она хотела, чтоб эти обратно коммунизм ввели. А я думаю, хоть какое в жизни разнообразие, схожу на баррикады. А там – едят, пьют, речи произносят, братаются. Весело. Такого потом ни разу не припомню. Даже на День города так весело не было. Все не то. Тем более, что три дня. Меня в ЖЭКе считали героем. Палыч так и сказал: «Ты у нас герой! Отстоял демократию. На хрен не нужна, а обидно бы было все-таки, если б не отстоял!» Так я матери повторил слова Палыча. Говорю: «На хрен, мать, она не нужна, но ведь Палыч-то прав. Обидно было б, если б не отстояли». Она потом радовалась, потому что мне даже премию дали по такому случаю. С войны-то и то не так встречали. Одно слово, герой.

Осень, 1991

Осенью я кормила Малыша. Вот и все мои занятия. Пеленать, кормить, купать и не забывать есть самой. Впрочем, забыть об этом было сложновато. Женька приставил ко мне свою маму, которая ходила в НИИ, фактически ничегошеньки там не получая ни в аванс, ни в зарплату. Беспокоясь по укоренившейся привычке по поводу своего стажа и будущей пенсии, Женина мама совсем увольняться с работы не стала, а перевелась на полставки. Таким образом, у меня с одной стороны было свободное время, с другой, мне сложно было быстро похудеть и обрести прежнюю стройную фигуру, так как меня усиленно кормили во благо кормления мною Малыша.

Машка все время твердила о том, как мне повезло с мужем, свекровью и друзьями – муж привозил из Китая и Польши вещицы сыну, свекровь помогала с ним возиться, а подруга, имевшая в США родителей, работавших там по контракту, привозила мне памперсы. Много, конечно, памперсов не привезешь, но я их экономила и использовала по ночам и на прогулках. Та же «американская» подруга, уже имевшая двухлетнего ребенка, рассказала, как делать памперсы многоразовыми, и я упорно их расстилала и сушила, и вставляла внутрь новую «начинку» из имевшегося в наличии подручного материала. По определенным причинам некоторые приходилось выбрасывать сразу, но в общем и целом, жизнь сильно облегчалась.

Ремонта наша квартира пока так и не дождалась. Женька решил нам с Малышом снять дачу следующим летом и сделать в наше отсутствие ремонт. Мебель мы тоже не покупали, единственным мало-мальски обставленным местом была детская – там стояла кроватка, письменный стол и два кресла. Письменный стол мы купили для пеленания на нем Малыша и для того, чтобы Женька за ним мог считать свои прибыли и убытки. Стул Женя забирал по мере надобности из большой комнаты и садился за выделенный ему краешек стола. За большим столом мы ели, и на нем множились разные бутылочки, баночки и кастрюльки – на кухне-то с мебелью тоже было небогато.

Два кресла предназначались для меня и того, кто «сидел» с Малышом. Чаще всего этим человеком была Женькина мама, но периодически ее кто-нибудь из других родственников сменял. И если я на своем кресле кормила ребенка, то няни на своем в основном читали, следя за сном младенца. Когда Малыш спал, я занималась своими делами или тоже спала. Остальные же считали своим долгом блюсти его сон неусыпно, поэтому рядом с гостевым креслом на полу росла кучка прочитанных книг. Иногда Женька, подходя к кроватке, чтобы сделать Малышу козу, просматривал книжную кучу и выбирал оттуда что-нибудь себе.

* * *

«Происходит уже третье похожее убийство. Удар нанесен по голове тяжелым предметом. В этом случае милиция сообщает, что убитый явно был знаком с убийцей. Он не пытался убежать или бороться... Свидетелей нет... студентом московского вуза...» (Газета «Вечерние новости», 20 сентября, 1991 г.)

Зима, 1991-1992 год

Новый год мы отмечали с родителями дома. За несколько дней до праздника Женька воплотил в жизнь мою давнишнюю мечту – он приволок домой огромную живую елку! Так как в большой комнате мебели было немного, елка вписалась во все оставшееся свободное пространство легко.

Когда мы ее нарядили, Малыш, несмотря на свой совсем еще небольшой возраст, оценил наши усилия. Он охал и ахал, сидя то у меня, то у Женьки на руках, и заставлял нас в сотый раз ходить вокруг блестящей красавицы. Малыш улыбался во весь свой беззубый рот и смешно покачивал головой из стороны в сторону. У него были Женькины голубые глаза, и в этих огромных блюдцах, отражаясь, сверкала елочная мишура.

Кроме родителей к нам прийти никто не смог. Илья отрывался в шумной компании, Машка с Эдиком были, как и мы привязаны пока к дому. Тем не менее, мы всей семьей дружно повеселились, посмотрели «Новогодний голубой огонек» и довольно рано по Новогодним меркам разошлись.

– Первый раз я так тихо отметила Новый год, – грустно заметила я Женьке после того, как все ушли.

– Ничего, в следующем году мы сможем подкинуть Малыша маме и что-нибудь придумать повеселее, – обнадежил меня Женька. Мама действительно помогала безотказно, полюбив внука всем сердцем, постоянно повторяя: «Как он похож на маленького Женечку!». По большому счету Саша был сильно похож не только на маленького, но и на уже большого Женечку. У них были совершенно одинаковые глаза, а остальное для постороннего глаза значения не имело.

В январе мне позвонила одна из моих подруг. Мы сначала с ней вместе учились в школе, потом дружно поступили в один и тот же институт, в котором совершенно случайно нас распределили в одну группу. Там мы и проучились все пять лет, что повлияло на нашу дружбу даже больше, чем совместная учеба в школе. Мы иногда с ней созванивались, но встретиться все не получалось. Таня была не замужем и работала на небольшой фирмочке, которая торговала спортивными товарами ооочень мелким оптом. Таню с ее отличным английским наняли туда секретарить сразу после окончания института, платили прилично, и недовольна она была только тем, что на английском языке там говорить было решительно не с кем. Но ей обещали, что фирма откроет новые направления, и тут-то язык будет жизненно необходим.

Вырваться к Тане в гости мне было сложно – выходные мы с Женькой проводили по общему согласию вместе, а в будние дни днем Таня работала. Но в январе, поняв, что перебраться иначе будет нереально, подруга пригласила меня к себе на работу. Шеф уехал в командировку, остальных сотрудников было трое, и они совершенно не возражали против того, чтобы Таня сходилась со мной на некоторое время поболтать в буфет.

Обсудив судьбы общих институтских знакомых, половина из которых сидела, как и я, дома с маленькими более или менее новорожденными детьми, а другая половина работала на более или менее крупных фирмах (некоторые даже на иностранных), мы перешли на личности. Таня пожаловалась на одиночество, полное отсутствие личной жизни и острую нехватку секса. Я на все вышеперечисленное пожаловаться не могла. Все чего мне не хватало, заключалось в отсутствии дискотек, походов с друзьями в кафе и ночных с ними же пьянок-гулянок. С последним, видимо, завязать придется надолго, так как Женька пил мало и вообще уставал на работе. Куда-то выбираться мы пытались, но вследствие регулярного кормления Малыша, надолго уйти мы из дома не могли. Только недавно стало возможно оставлять его на подольше, но все это никак не шло в сравнение с моей предыдущей бурной жизнью.

– А как у вас с сексом? – задала свой любимый вопрос Татьяна. Надо сказать, что все институтские годы она у нас считалась великим знатоком полового вопроса. Наше мнение о ней сложилось из-за многочисленных Таниных романов, о которых было известно только одно: «секс был на высоте» или «секс был не на высоте». Что под этим имелось в виду, нам спрашивать было неудобно, хоть порой и сильно подмывало.

– У нас с сексом хорошо, – выбрала я нейтральную фразу, так как не очень сама отчетливо понимала на высоте он у нас или нет.

– Что значит хорошо? Оргазмы испытываешь или нет? – голос, которым Таня задавала свои вопросы, сильно походил на голос врача, спрашивающего, не мучают ли вас головные боли.

– Я не знаю, – широко раскрыв глаза от осознания всего ужаса произносимой фразы, ответила я. Я и правда не знала. То есть слово уже, конечно, вошло в наш с подругами обиход, но что это и с чем его едят, еще так подробно не освещалось в каждом журнале, продающемся в газетном киоске. Обычно тема обсуждалась аккуратно, витиевато и сводилась к тому, что у некоторых и секса-то как такового не было, так как не все дети, как мой Малыш, тихо себе спали всю ночь и давали своим родителям заниматься в это время всем, чем душа пожелает. Хочешь тебе книжки читай, хочешь спи, а хочешь сексом занимайся. Большинство жили с родителями в одной квартире, что тоже слегка отягощало личную жизнь (у одной моей подруги, например, мама обожала неожиданно без стука входить в комнату дочери, когда она там уединялась вечером с новоиспеченным мужем).

Услышав мой ответ, Таня покачала укоризненно головой:

– Так я и знала! А ты говоришь «хорошо»! Плохо! – отрезала она безапелляционно. Я совсем растерялась. Мне с Женькой было хорошо, а то, что я не испытывала того, чего и сама не знаю, так это вроде и не страшно совсем. Таня криво ухмыльнулась:

– Это сейчас все нормально. Пока. До поры до времени. А потом у женщины начинается неврастения, портится настроение и она изменяет мужу. А все потому, что не испытывает с ним оргазма! – продекларировала Татьяна на весь, Слава Богу, пустой буфет. Танина фирма снимала комнату в помещении НИИ. Работников там при полном отсутствии зарплат и работы уже практически не осталось. Они все поуходили в отпуска за свой счет, а то и просто уволились в поисках хоть какого-то заработка в других местах. Те же, кто остался, носили с собой бутерброды и по буфетам не ходили. Впрочем, съестного там было немного – особенно не наобедаться.

– Пока у меня неврастения нет, – пыталась я как-то обороняться.

– Будет! – заверила меня Татьяна, – но мы попробуем исправить ситуацию. У меня есть потрясающая книжка про все это дело. Я тебе ее дам, но с возвратом – это большой дефицит.

Итогом нашей встречи явилась договоренность встретиться снова прямо на следующий день, и я в полном шоке от всего услышанного поехала домой. В тот вечер Женька был совсем измотан, и ничем таким мы на сон грядущий не занимались. Я вздохнула с облегчением, потому что не знала, что теперь и делать – до прочтения книжки хотелось тихо залечь на дно и не высовываться.

Книга была довольно-таки тонкой, очень затрепанной и самое интересное, она была издана в Москве на русском языке! Я думала, что за такое сажают за распространение порнографии. Ан нет! Какая-то прогрессивная американка (хотя у них-то там это не прогресс, а обычное дело) описывала подробнейшим образом, что такое оргазм, где он возникает, как его в этом месте искать и находить-таки. Самое смешное, что все это предлагалось делать сначала без посторонней помощи, совершенно самостоятельно и только потом, обнаружив где и как у тебя все это работает, делиться полученным знанием с мужчиной. Американская писательница с пониманием относилась к тем ситуациям, когда мужчина был не в курсе того, что надо делать

с женщиной, и для как раз таких бедняжек, не познавших радость бытия, она и накрапала свое гениальное творение.

Книжку я прочитала за один день. Женькина мама была отпущена отдыхать под тем предлогом, что она и так сидела с Малышом два дня подряд, а я, пользуясь тем, что Малыш читать не умеет и не понимает, что там с таким увлечением штудирует его мама, проглотила всю брошюру за один присест. Но вот с воплощением на практике мудрых советов было сложнее. Пришлось отложить на завтра.

Пришедший с работы Женька заметил, что я что-то задумчивая, и спросил не случилось ли чего. Хотелось честно сказать, что да, случилось, у меня нет оргазмов и их надо срочно искать. Но я сдержалась.

Утром следующего дня первым делом я позвонила Машке, чтобы спросить про ситуацию на ее сексуальном фронте. Ситуация вырисовывалась еще более безрадостная, чем у меня – не было не только оргазмов, не было секса как такового. Ребенок ночами спал плохо, Машка ничего не хотела, муж не настаивал.

Покормив Малыша обедом и уложив спать, я потопала в ванну – все эксперименты с достижением оргазма настоятельно советовалось проводить в теплой ванне с пеной, полностью расслабившись и сосредоточившись на процессе. Малыш днем спал долго и крепко, я надеялась, что ничего не будет мешать ни расслабляться, ни сосредотачиваться одновременно.

Из ванны я вышла уже через пятнадцать минут с чувством выполненного долга, окрыленная успехом и главное больше не переживающая по поводу того, что мне может грозить невращения. Я поняла, что американская тетка права – если что, то можно вполне справиться с этим делом и самой. Но, с Женькой знанием поделиться было надо. Все-таки мы были ровесники, опыта большого у него в этом деле не было, а секс в нашей стране, как известно, до поры до времени отсутствовал. Винить мужа в чем-либо было бы глупо. Скрывать важнейшую информацию тоже.

В тот момент, если честно, мне хотелось обзвонить всех своих подруг и сообщить им радостную новость. А еще лучше откопировать книжечку и раздавать ее у метро всем женщинам вместо кришнаитских талмудов.

Вечером я несколько раз откашливалась и пыталась было начать разговор на несколько все-таки щекотливую тему. Потом бросив свои несчастные попытки, я решила просто подкинуть книжечку Женьке в портфель, с которым он ходит на работу. Пусть почитает и сделает все необходимые выводы сам.

На следующий день Женька позвонил с работы и спросил:

– Это твоя книга про секс лежит у меня в портфеле?

– Да, – проблеяла я в ответ.

– Ну хорошо тогда. Пока. – попрощался со мной мой муж.

Я стала ждать его возвращения, не будучи уверенной в исходе провернутой мной операции. Чего я боялась, я не знала. Может того, что Женька начнет меня пытаться каленым железом и спрашивать, откуда я взяла книжонку, и не поверит, что у подруги (Женя был тихим ревнивцем, то есть в принципе он этого не показывал, но уж если показывал, то мало не покажется). Может того, что он обидится. Не знаю, но я побаивалась его возвращения.

Первая часть вечера прошла, как обычно – Женька тискал Малыша, ужинал, опять тискал Малыша, потом мы его дружно купали и укладывали спать. Наступал час Икс.

Мы очень-очень долго целовались в тот вечер, потом Женя быстро обнаружил все, что было нужно обнаружить, а я куда-то падала, взлетала, и в итоге, наконец, поняла, зачем здесь нужен мужчина. С ним ощущения были куда сильнее, с ним это было куда приятней, чем одной в ванной, пусть даже и с пеной. После всей этой феерии Женька сказал мне каким-то совсем не своим голосом:

– А я у тебя таких глаз никогда не видел!

И я решила отправить американке письмо с благодарностью от просветленной российской женщины (Советского Союза уже к тому моменту не было).

Посреди ночи мы свой эксперимент повторили еще раз и с того момента оргазмы прочно вошли в мою жизнь. Неврастения и измена мужу мне больше не грозили! (Я ошибалась, но даже не подозревала об этом – порой мы сильно бываем самонадеянны).

* * *

Я отсиживаюсь. Мать мне записку прошлой осенью прочитала. Типа похожее убийство – тяжелым по голове. Я думаю, ну молодцы, не легким же бить. Это бестолку. Так особенно никого и не убьешь. Если только со страху помрет. Но, тем не менее, решил погодить пока. Да и есть над чем подумать. Есть, например, одна. Живет рядом, но отличница была круглая. Противная девка, вся в прыщах, а туда же, с норовом. Теперь работает на какой-то крутой фирме. Я ее встретил на улице. Она мне: «Работаю менеджером. Ну а ты что?». Я ей про ЖЭК. Она презрительно покивала головой... Менеджер. Кто это? Что менеджеры делают? Неважно. Важно, что лучше от этого она не стала. А живет, кстати, как и я в коммуналке. И туда же. Менеджер... блин.

Весна, 1992

Весной мне позвонила Татьяна и предложила поехать во Францию с Малышом на отдых на виллу. Их фирмочка начала делать попытки отправлять россиян за границу, и я была среди тех, кого Таня обзванивала, пытаюсь по-прежнему на чистом русском языке уговорить ехать куда-то «в горы, но рядом с морем».

Почти одновременно позвонила одноклассница-риэлтер Анька и предложила нам «выезжать к чертовой бабушке» из нашей двушки в расположенную неподалеку трешку. Не то, чтобы Анька сильно пеклась о благосостоянии нашей семьи, просто наша двухкомнатная квартира должна была встать в какую-то гигантскую цепочку расселения, переселения и прочих комбинаций. Кому-то, причем, нужна была квартира именно в районе Белорусской.

Мы посмотрели трешку и решили ее брать. Тут уже стало не до Франции. Все деньги, отложенные на ремонт, мебель, дачу и просто жизнь мы без раздумий бухнули на расширение жилплощади. В этом вопросе мы с Женькой были полностью солидарны.

Состояние новой квартиры было не лучше, чем в предыдущей. Мы не погнушались перетаскать ту немногую мебель, которая у нас стояла в старой квартире. Также перевозилась новая техника, которую Женька сумел приобрести за год и три выращиваемых мною цветка. У Малыша оказалось больше всех вещей: большая коробка с игрушками, куча одежды, уж не говоря о кровати, манеже, коляске и стульчике. Его комната тут же обрела жилой вид. Наша с Женькой будущая спальня вообще пока стояла пустая, что сильно радовало Малыша – он уже начал ходить и комната без единого предмета мебели представляла для него огромный простор для передвижений.

* * *

Встретил Аньку. Идет с мужиком, меня типа не замечает. А я на зло к ней пру напрямик. «Привет, – говорю, – Анька. Чем дышишь?» Она рожу скривила, но отвечает: «Я риэлтер. Квартиры продаю.» Я ей: «Кого наших видишь?» Я это всегда спрашиваю, чтобы выяснять, кто где. Они радостно обычно отвечают, всех перечислят, кто, что закончил, где работает, ну и где живет. Самое для меня главное. Анька тоже слила информацию. Бывшая соседка, принцесса, опять переехала. Анька подсуропила. И мне, главное, тоже говорит: «Давай, расселю». А мне на хер? Нам и так хорошо. Если пожрать нет, так можно свистнуть у соседей. Я не злоупотребляю. Но так чуть-чуть можно. Мать иногда поорет с тетей Люсей. А так бы на кого орала? На меня! Надо мне это? Пусть на Люську орет.

Кто это риэлтер? Типа менеджера. Чушь какая-то...

Июнь, 1992

В июне Татьяна позвонила мне с совершенно неожиданным предложением: им требовался человек, который мог бы пожить в течение месяца на вилле во Франции. Суть их проекта заключалась в том, что шеф снял на все лето большую виллу в Грассе, местечке расположенном недалеко от Средиземноморского побережья Франции, и предлагал желающим (в основном желающих искали среди друзей и знакомых сотрудников фирмы) поехать туда отдохнуть. На вилле все время должен был дежурить кто-то из «своих», так как требовалось нанимать машину или микроавтобус для встреч и проводов гостей, организовывать желающим экскурсии и вообще решать все возникающие на месте проблемы.

В июне на вилле уже начал сидеть замдиректора с женой и ребенком. Но тут-то и выяснилось, что сидеть там должен человек, владеющий хотя бы английским языком, а желательно и как минимум основами французского. Дело приходилось иметь и с хозяевами виллы, которые периодически приходили для решения каких-то хозяйственных вопросов, с хозяином транспортной компании; туристы просили их сопровождать в рестораны и магазины. Ни замдиректора, ни его жена, ни тем более их маленький ребенок не говорили ни на одном из иностранных языков. То, чего они в свое время выучили в школе, было явно недостаточным.

Таню направляли во Францию в августе. Раньше она туда выехать не могла, так как ей только начали делать загранпаспорт, думая, что времени еще достаточно. Но замдиректора рыдал в трубку, говорил, что не выдержит и вернется раньше. Поэтому шеф со своей многоразовой визой срочно вылетал во Францию, чтобы прикрыть две июньские недели своим директорским телом. Татьяне было поручено найти супернадежного человека из своих, с действующим паспортом, для отправки на виллу с 1 июля.

Паспорт у меня был, но у меня еще был и ребенок. Татьяна об этом помнила – для «резидентов» была выделена отдельная комната, и в ней можно было жить в любом количестве, некие ограничения накладывал только метраж и количество койко-мест. Также мне обещали выплатить суточные и зарплату. Зарплата равнялась трехстам долларам США за месяц работы. Для 1992 года это были нормальные деньги.

Я согласилась.

Женька был против. Он уже успел привыкнуть к моему домашнему существованию, к тому, что я как домашние тапочки всегда дома и к его услугам. Если я куда-то уходила, то только днем. На все вечерние мероприятия мы всегда ходили вместе. Я не противилась такому порядку вещей, так как не работала и считала незасорным подавать каждый вечер уставшему мужу ужин.

Тем не менее, я считала, что уже заработала свое законное право на труд. И если Женька имел право периодически сваливать за границу, то почему его не имела я?

Два вечера у нас шли горячие дебаты. Мой спокойный супруг, не повышая голоса ни на йоту, выдвигал все новые и новые контраргументы: Малышу еще рано на море, я плохо знаю французский, суточных не хватит на наше пропитание – они рассчитаны на одного человека, вокруг французы и они будут ко мне приставать. Последний аргумент был, конечно, основным. Французский я уже начала повторять и, проучив его три года, не составляло труда освежить полученные в институте знания. Малыш ел еще все-таки немного по сравнению со взрослым человеком, плюс на вилле была кухня и совершенно необязательно ходить по ресторанам. Против французов я ничего выдвинуть не могла, поэтому просто клялась, что буду верна Женьке, да и как он смеет мне в этом плане не доверять.

В итоге Женя сдался, напоследок тихо обозвав меня феминисткой и пообещав приехать к нам на последние две недели.

Оставшееся до отъезда время я радостно продолжала повторять французский, ездила к Татьяне, чтобы обсудить все детали моей будущей работы, изучала карту местности и решала, что нам с Малышом лучше взять с собой в поездку.

* * *

Эх, руки чешутся еще одну галочку поставить. Опять встретил эту очкастую менеджерику. Бесит она меня. Ну подожду чуть. Жарко. Сил нет. В ЖЭКе душно. Мать говорит, бери отпуск. Зачем? На моря что ли ехать? Она говорит, поедешь к бабке в деревню, воздухом свежим подышишь. Всю плешь проела. Проще взять отпуск и действительно к бабке съездить.

Июль, 1992

Мы летели в Марсель. Я не верила в происходящее, мне хотелось ущипнуть себя за руку, чтобы удостовериться, что все это не сон. Мне казалось, что я отсидела дома не полтора года, а все пять, а то и все десять. Тем более, что летела я ни куда-нибудь, а во Францию!

Самолет покружился над морем и благополучно сел в аэропорту Марселя. Нас встречал пресловутый Татьянин шеф. Он должен был ввести меня в курс дела и через день после моего приезда улететь в Москву. Вместе с нами в Грасс везли пару из Кемерово и компанию, состоящую из пятерых молодых москвичей. В компании было две парочки и один одинокий парень.

Грасс оказался маленьким зеленым городком, расположенным довольно далеко от моря. На море и обратно всех проживающих на вилле возил автобус. Время отвоза и привоза было зафиксировано, и если кто-то хотел изменить как-то график своего пребывания, то ему приходилось либо брать такси, либо брать машину напрокат.

Наша с Малышом комната находилась на первом этаже и имела отдельный выход на небольшую лужайку за домом. В комнате стояла большая кровать и раскладной диванчик. Дома мой ребенок пока спал, забаррикадированный решеткой детской кроватки, поэтому я придвинула диванчик к большой кровати, и ночью Малыш мог спокойно перекачываться на него без угрозы падения на пол.

Сашке во Франции понравилось сразу. С ним нянчились все кому не лень, так как в мой заезд других детей на вилле не проживало. Ему нравилось море, песочек и лужайка, ему нравились вкусные французские детские пюре из баночек и сладкие детские каши из смешных коробок с мишкой. Каши мне тоже очень нравились, так как их не надо было варить. Памперсы, продававшиеся повсюду, для нас были уже не очень актуальны, но вот еда, еда и Малышу и мне пришлась по вкусу. Изобилие, выставленное в супермаркетах, притягивало и манило.

Уже в самые первые дни отдыха выяснилось, что одинокий молодой человек по имени Андрей не даст нам всем расслабиться. Он каждый день покупал себе в магазине коньяк и глушил его в страшных количествах в течение целого дня. После первых же нескольких бокалов, Андрей перемещался на балкон своей комнаты, расположенной на втором этаже, включал кассету с записями Высоцкого и продолжал пить. Вечером с трудом держась на ногах, он пытался ухаживать за мной и предлагал пройти с ним в номер и выпить. Ребенок, находящийся при мне его не смущал.

Я радовалась, что Женька уже не застанет всю эту честную компанию и не узнает о посягательствах на мою честь. А Малыш еще слишком мал, чтобы обо всем этом доложить папе.

За две недели мне пришлось несколько раз сопровождать моих подопечных в Ниццу, ходить с ними там до умопомрачения по магазинам и не только переводить, но и советовать, идет ли эта блузка к той юбке. Малыш стойко переносил все эти поездки, во время примерок сидел спокойно в своей прогулочной коляске и задумчиво грыз ногу резинового жирафа.

Единственную экскурсию, которую меня попросили организовать, была поездка в Монте-Карло. Русскоязычного гида, работавшего в июне с нашими туристами, на месте не было, и мне пришлось взять на себя функцию переводчика. Всю дорогу я рассказывала о местных достопримечательностях и потом уже в княжестве Монако, толкая перед собой коляску с Малышом, продолжала бодро вещать вслед за неумолкающим гидом-французом.

Женька регулярно звонил мне в одно и тоже время утром и вечером на виллу, я скучала по нему, он скучал по мне, мы мычали что-то друг другу невразумительное в трубку, и в конце разговора кто-нибудь из нас всегда говорил одну и ту же фразу: «Ну ничего, скоро уже я (ты) приеду (приедешь), и мы увидимся».

За день до отъезда моей первой группы, вся наша компания решила устроить проводы. Туристы решили провозжаться, как они выразились, «по-русски». Это означало закупку огром-

ного количества продуктов и напитков, оккупирование на полдня женской половиной группы кухни, и бурные возлияния, тосты за вечную дружбу, обещания встречаться теперь регулярно по несколько раз в год и клятвы отдыхать только вместе. Андрей продолжал ко мне приставать и с каждой выпитой рюмкой все больше и больше. В итоге я ухитрилась уйти по-английски, на всякий случай не только закрыв на ключ дверь в свою комнату, но и дверь, выходящую на лужайку. Стало душно, но зато «враг не пройдет».

Женька прибывал со следующей группой отдыхающих. Мы с Малышом дружно проводили наш первый заезд и сидели в аэропорту, дожидаясь, когда выйдут новенькие. Я ждала мужа с нетерпением: во-первых, во Франции я выбралась к парикмахеру, впервые за полтора года, во-вторых, все-таки я загорела и в связи с постоянной беготней и не очень усиленным питанием похудела наконец до своего добеременного состояния, в-третьих, на мне был яркий короткий французский сарафан. Сарафан был куплен от безысходности – все привезенные вещи к концу второй недели начали на мне висеть.

До этого я, конечно, не ходила в застиранном халате с растрепанной головой. Но, тем не менее, на голове был все время аккуратных хвост, на теле джинсы моего нового послеродового размера и футболка. Иногда я что-то таскала из кучи Женькиных китайско-польских вещей, но покупать более дорогие вещи рука не поднималась – я надеялась похудеть.

И вот я сидела в своем новом облике, с покрашенными-подстриженными волосами, длинными загорелыми ногами; на меня обращали внимание проходившие мимо мужчины, а я ждала своего мужа.

Он почти прошел мимо! Заметил Малыша, удивленно окинул взглядом пространство вокруг и, Слава Богу, обратил внимание и на меня. Я явно Женьке понравилась и на почве такой радостной семейной встречи позабыла о том, что встречаю еще кучу народа.

Народ, правда, видел мою табличку с названием отправлявшей их Танькиной фирмы и подходил дисциплинированно ко мне. Очухавшись, я провела переключку согласно присланного мне накануне по факсу списка и повела всех за собой в автобус.

Женька в автобусе прошептал мне на ухо:

– Надо бы срочно сбегать куда-нибудь Малыша.

– В каком смысле? – не совсем поняла я.

– В том, что до того момента, когда он уснет, я не дотерплю. Я по тебе итак соскучился жутко, а тут еще и такое! – он мотнул головой в мою сторону и сделал большие глаза.

– Я не знаю, куда его девать, – пробормотала я растерянно.

– Ладно, что-нибудь придумаем, – протянул, оглядывая автобус, Женька.

Прибыв на место, я провела небольшое собрание, рассказав про житье на вилле, распорядок дня и возможные экскурсии. Потом я провела гостей по дому, открыла им их комнаты и вернулась в семью. Семья времени даром не теряла: Женька быстренько познакомился с женщиной, лет пятидесяти, приехавшей на отдых со своей дочерью. Пока дочь ходила со мной по вилле, Женька договорился с ее мамой, чтобы та взяла Малыша с собой погулять. Мама, дочка и Малыш в своей прогулочной коляске отправились гулять по Грассу. Сын ничего не имел против новой тети, так как уже третью неделю он жил в окружении незнакомых людей, которые периодически с ним играли, оставались подежурить на какое-то время на пляже или в магазине.

Мы с Женькой помчались в нашу комнату. У нас было достаточно времени, чтобы проверить на месте ли оргазмы, и удостовериться в том, что мы безумно соскучились друг по другу. До этого Женька не уезжал в свои вояжи более, чем на неделю. Двух недель оказалось достаточно, чтобы понять, что это уже явный перебор.

* * *

У бабки чуть умом не тронулся. Постоянно орал – она совсем слышать плохо стала. Но был плюс. Девка там была из деревни. Ничего, крупная, даже можно сказать толстая. Но согласилась со мной встречаться. Я особо ведь женщинам не нравлюсь. Только в армии удалось оторваться пару раз в первый год службы. Там к нам в клуб на танцы девчонки приходили из соседнего города. Получилось понравиться одной. Но она мне не очень. Так уж на безрыбье.

Эта мне нравилась. Толстовата, но в целом сойдет. И веселая. Ржет и ржет постоянно. И любит, когда я ее по заду хлопаю. А мне много и не надо. Идем по деревне вечером, я, раз, и по заднице ее. Она давай ржать. Я еще разок. Уже оба ржем. Короче, хорошо время провел. В Москву привез от бабки банок каких-то, солений. Мать радовалась. Поставили в комнате. На кухне опасно. Могут и нашим попользоваться. Мы ихним, они нашим. Справедливо, но все равно жалко.

Август, 1992

В августе я только и делала, что приводила в более или менее божеский вид нашу новую жилплощадь, а также регулярно смотрела альбом с французскими фотографиями. На всех фотографиях мы улыбались во весь рот, запечатлеваясь на память на фоне всего и вся.

За время нашего отсутствия Женька умудрился сделать ремонт в спальне и детской. И теперь у нас было две приличные комнаты из трех, одна из которых была еще и обставлена, во второй пока стояла только новоприобретенная «королевская» кровать.

Малыш потихоньку отвыкал от французских изысков детского питания, тем более, что он все больше ел уже нормальной взрослой еды. Но мы его не могли не баловать и все-таки покупали в валютном супермаркете на Кутузовском кое-какую заморскую детскую еду, особенно так Сашке любившиеся каши.

* * *

Моя подруга залетела. Звонит мне из деревни, рыдает. Я ей говорю: «Чего ревешь? Приезжай, жениться. Мне все равно пора уж». Она рыдать перестала, обрадовалась. Ну и мне приятно – кому-то хоть вот так сильно нравлюсь. Мать тоже обрадовалась, всплакнула, но в целом тоже обрадовалась. «А то, – говорит, – помру, кто ж за тобой ухаживать будет, кормить, обстирывать?» Действительно, я об этом и не подумал. Так что хорошо все сложилось. Невеста моя приехала с чемоданчиком. Мы поженились и отпраздновали. Пригласил ЖЭКовских, соседей, ну там дядю Колю и еще пару человек. Жена, конечно, не принцесса, но обстирать сможет. Супы варит, котлеты жарит. А что еще нужно для счастья человеку. Денег, правда, не хватает. Но жену мою по благу тоже в ЖЭК пристроили. Уборщицей. Ей беременной-то тяжело, но особо никто и не настаивает на уборке. Она чуть на первых этажах пометет и ладно.

Осень, 1992

Осенью Татьяна снова позвонила и, как заправский змей-искуситель, предложила нам махнуть в Париж на Новый год. Татьянина фирма упорно пыталась раскручивать новое для себя (да и для всех россиян) направление – зарубежный туризм. Вследствие каких-никаких налаженных уже связей, они упорно делали ставку на Францию. Вместо рекламы опять использовался метод обзвона всех знакомых и родственников работников фирмы, а также теперь уже и съездивших через них летом туристов. На многое Таня не рассчитывала: ей надо было собрать всего двадцать человек, чтобы двадцать первой бесплатно ехать в Париж самой. Об этом она совершенно честно мне сказала, мотивировав свое желание посетить столицу Франции не столько порывом ее посмотреть, сколько нежеланием сидеть в Москве одной в Новогоднюю ночь у телевизора.

Мне жутко хотелось в Париж. Женька не очень сильно разделял мой порыв, он хотел доделать ремонт в квартире, докупить мебель и поэтому не был готов бухнуть довольно-таки большую сумму денег на празднование Нового года. Но совершенно неожиданно меня поддержала свекровь. Она выразила готовность сидеть целую неделю с Малышом и искренне благословила нас на поездку. К тому же мои родители также неожиданно предложили ей составить в Новый год компанию и даже решили праздновать у себя дома, избавив Женину маму от хлопот по приготовлению еды.

Женька сдался, я поехала оплачивать поездку. В офисе царило непривычное для меня оживление: во время моих предыдущих посещений Татьяны практически все работники на месте по каким-то причинам отсутствовали, в этот раз все было с точностью наоборот. Все присутствовали, включая шефа.

Таниного начальника я видела второй раз в жизни. По ее словам он крутил романы направо и налево, несмотря на то, что был глубоко женат. Тарасу Юрьевичу было под сорок, выглядел он для своего возраста очень даже неплохо. С Татьяной он роман крутить не пытался, поэтому либо она преувеличивала его любвеобильность, либо она была не в его вкусе.

Гостиницу в Париже нам обещали двухзвездочную, недалеко от центра. На картинке гостиница выглядела вполне прилично. Правда проспектик мне домой не дали, так как он был один-единственный, и его надо было показывать и другим туристам тоже.

Мой опыт проживания за границей исчислялся всего одним отелем в Пекине (нас селили во время шоп-туров все время в одну и ту же, по-моему, совершенно беззвездочную маленькую гостиницу рядом с рынком) и шикарной виллой в Грассе. Поэтому Парижский отель я оценить как следует не могла. Месторасположение я не могла оценить тем более. Но сама нигде не бывавшая, кроме Грасса Татьяна уверяла, что все должно быть отлично, так как шеф выбирал отель лично. А уж он-то в Париже уже бывал.

Много позже выяснилось, что Тарас Юрьевич закончил журфак и одно время работал по специальности в какой-то подмосковной газетенке. У него было много знакомых здесь и там, двое из которых исхитрились еще в советские времена быть командированными в столицу Франции, откуда в перестройку их было уже не выкурить. Через них-то и начала плестись туристическая «паутина» его бизнеса.

Танин шеф сначала мотался во Францию, чтобы заключить договор на поставку некондиционных французских колготок, и гнал в Россию целые фуры, набитые тем, что не очень подошло аборигенам, потом возил сюда бижутерию, и вот теперь пришла очередь более глобального проекта. Впрочем, туризм свалили пока на Татьяну, а она зарабатывала себе право на бесплатную поездку, а вовсе не прибыль для компании.

* * *

Немного отдохнул душой, но теперь надо опять браться за осуществление жизненных целей. Весной жене рожать. Надо сейчас пока повернуть. А то потом ребенок над ухом кричать будет. Неизвестно, как это на моем уме скажется. Ну или там на памяти. Хорошая ведь вроде память, но и с другой стороны не очень. Всех из ЖЭКовского журнала упомянуть не могу. А что-то помню отлично. Например, как я один оставался на физкультуру. А эти все линияли дружно. Мне ни черта не скажут. И я бегаю, как заведенный, вокруг школы. Мать теперь и на жену орет. Та в ответ. Тетя Люся выглянет из своей комнаты и тоже давай орать. Так втроем душу отведут и идут чай пить на кухню. Я могу телек посмотреть. Не дурацкий сериал про Бразилию, а футбол или хоккей, в зависимости от сезона. Иногда спорта нет, смотрю новости.

Декабрь-январь, 1992-93

Мы впервые оставляли Малыша с бабушкой на целую неделю. Женина мама перебралась за день до нашего отъезда к нам и все время успокаивала нас, повторяя, что «все будет в порядке».

Я в Париж брала полупустой чемодан. Насмотревшись летом на французские вещички, я решила, что на сей-то раз затарюсь по-крупному. Женька был заранее об этом предупрежден, и на мой вопрос, не возражает ли он против такого поворота событий, муж мудро ответил:

– Главное заранее правильно настроиться. Я думаю, что я как-нибудь переживу твой налет на парижские магазины, а вот переживут ли магазины...?

Я не беспокоилась за торговую сеть. Я беспокоилась за себя. Летом у нас было с собой немного денег, учитывая траты на квартиру и ремонт. И фактически мы истратили все, что было на еду и Малыша. Но я-то видела все эти магазины и магазинчики, я видела эти человеческие цены, в конце концов, я только и делала, что таскалась с женской половиной моих туристов по примерочным с кучей барахла всевозможных фасонов и расцветок. Теперь мне хотелось все это купить самой.

В Париже нашу группу встречала женщина неопределенного возраста, низкого роста, в черном неказистом пальтишке и зимних, совершенно советских сапогах. За всю неделю, что мы проведем во Франции, я больше не увижу ни одного человека в подобной обуви. Снега на улицах не было и не предвиделось, температура не опускалась ниже плюс десяти, женщины по городу ходили в туфлях, максимум в коротких ботиночках. На представительницах нашей группы были сапоги, правда в основном осенние, но на местных такой обуви не наблюдалось.

Наш отель оказался совсем не в центре. В первый же день мы, вооружившись картой города, шли минут сорок до здания Оперы, а потом еще примерно полчаса до Лувра. Мы решили, что центр города все-таки где-то здесь.

Номер на первый взгляд был очень даже неплох, но в ванной стоял адский холод: в ней было огромное окно на улицу, но не было никаких батарей. Я подолгу держала включенной горячую воду, чтобы хоть как-то согреть помещение перед принятием душа.

Татьяне мы вежливо высказывали свои претензии, но взять с нее было нечего: она находилась в таком же положении, как и мы, и даже хуже, так как к ней вежливо ходило жаловаться полгруппы.

Но Париж был прекрасен! Это скрадывало все нюансы нашей первой поездки. Мы излазили пешком весь город, изучили его вдоль и поперек и считали его уже родным и близким, как будто бывали здесь уже раз сто.

Женька был менее восторжен, чем я, но его радовало мое прекрасное настроение, он ходил послушно за мной по музеям, честно изучал меню в парижских бистро, впервые предоставив возможность заказывать блюда мне вследствие полного незнания французского языка. Я впервые за всю нашу семейную жизнь решала какие-то вопросы, принимала решения и вела за собой. Летом в Грассе это не чувствовалось так сильно, так как вела я за собой всех проживавших на вилле, и Женька просто как бы подчинялся общим для группы правилам. А если мы с ним там в основном на вилле, еду покупали в супермаркете, так что с этим вообще проблем и не было.

В Париже никакой кухни не было, и мы часто заходили в небольшие бистро, попадавшие нам просто на каждом шагу. Мы ели продававшиеся на каждом углу жаренные каштаны, мы попробовали огромные блины со всеми возможными начинками. Наконец, мы съели знаменитый луковый суп, забредя в какое-то маленькое кафе на Монмартре.

На сам Новый год женщина в зимних сапогах сагитировала всю группу пойти за сто пятьдесят долларов с носа в какой-то итальянский ресторан. Умных отказавшихся оказалось всего

четверо или пятеро на все двадцать с лишним человек. Даже Татьяна бухнула на это мероприятие половину своих денег. Тетя нас, конечно же сильно нагрела. Ресторан был действительно итальянским, но совсем недорогим, а само празднование не стоило таких безумных денег. Время мы тем не менее провели весело, отметив сначала Новый год по-русски, шокировав в десять часов вечера сидевших в ресторане людей громкими тостами, поздравлениями и неумной радостью. В двенадцать мы снова отметили Новый год уже по-местному времени, а далее нам подали десерт и начались танцы.

В четыре утра мы с Женькой брели по пустому городу в сторону своей гостиницы. Кто-то ушел раньше нас, кто-то заказал такси, а мы шли, не спеша, слегка пошатываясь от непривычно большого количества выпитого, и почему-то вспоминали нашу первую поездку в Сочи. Нам было смешно, мы громко хохотали на весь сонный Париж, иногда останавливаясь, чтобы обняться и поцеловаться. Мне было холодно ранним утром в туфельках-лодочках и коротеньком платье. Длинное новое французское пальто было красиво, но не очень грело. Но я не жаловалась, потому что мне было тепло внутри, да и не хотелось нарушать своими жалобами какую-то совершенно нереальную, тонкую, хрустальную идиллию.

Потом, уже после Нового года, буквально за два оставшихся до отъезда дня, я умудрилась прочесать несколько парижских магазинов, скупив там невероятное количество вещей. Женька снисходительно улыбался, платил и периодически повторял, что как ни странно в Париже все стоит гораздо дешевле, чем в Москве. Дороже, конечно, чем в Китае, но и качество...

Я же купалась в невиданной доселе роскоши: я мерила по несколько пар обуви, тащила в примерочные неподъемные груды одежды, копалась в контейнерах с распродаваемой детской одеждой, и потом еще звала Женьку на совет: что брать, что мне идет, как сочетается то и это. Муж честно давал советы и стойко переносил все трудности последних дней пребывания в Париже.

Перед отъездом я набрала в отеле кучу проспектов с рекламой различных экскурсий, магазинов, несколько карт Парижа и с чувством выполненного долга закинула все это в итак уже с трудом закрывающийся чемодан.

В Москве нас почему-то заставили идти к зданию аэропорта по летному полю. Было темно, падал снег, я топала в своих французских ботиночках по обледеневшему асфальту и ежилась от холода. Некоторые члены нашей группы решили, что снова путч. Я же поняла, что мы снова на Родине, вот и весь фокус. И уже много позже, годы спустя, я все также остро буду чувствовать вкус своего Отечества. Даже если нас будут пропускать через теплый «рукав», даже если не будет идти снег, все равно, пролетая над елями перед самой посадкой, я всегда буду чувствовать эту сладкую боль – я дома, я снова в другом измерении, в другом мире, так отличном от того, из которого только что прилетела. А сумасшедшая очередь на паспортном контроле только прибавит к этому печали...

Конечно, Малыш по нам скучал, конечно, мы его тискали по очереди, параллельно доставая из чемодана подарки ему и Жениной маме. Конечно, мы были снова рады нашей теплой ванной и большой спальне (не то чтобы мы сильно возражали в Париже против того, что в нашем номере можно было только лежать в постели, передвигаться там было просто негде, но все-таки как-то соскучились по жизненному пространству). Конечно, мы с удовольствием съели заготовленные заранее свекровью бутерброды с красной икрой, но все-таки вздохнули тайно, вспоминая афродизиадские устрицы. И потом уже поздно вечером, когда мы остались одни в своей еще не очень обжитой гостиной, я сказала Жене:

– Жень, я хочу открыть свое турагентство.

* * *

С менеджером вышла хохма. Она ж маленькая, худенькая. Ее сильно и бить не пришлось. Но с другой стороны, она меня испугалась. Все остальные удивлялись, но спокойно так здоровались. Тут я их бух по башке. А эта чего-то испугалась. Но маленькая, только вздрогнула и все. Даже вскрикнуть не успела. Поздно домой приходила-то из своей фирмы. Во как менеджеры, оказывается, работают! Допоздна.

В газете в этот раз, между прочим, параллелей не проводили. Забылись видать те случаи. А тряпочка чистая осталась. Даже выбрасывать не надо было. Везет же иногда.

Февраль, 1993

Буквально за один час нам выдали за сто баксов все документы на новую фирму. У Женьки уже был опыт открытия своего предприятия, поэтому мы смело направились по его стопам. Поскольку в том подвале, в котором сидел мой муж, освободилась еще одна комната, меня с моим турагентством определили туда же. В комнате стояло два стола, несколько стульев и небольшой шкаф, доставшиеся мне в наследство от предыдущих владельцев. Я купила факс, притащила из дома все собранные в Париже проспекты и начала поиски рабочей силы.

В первую очередь мне нужна была секретарша. Нужно, чтобы кто-то сидел весь день на телефоне, а если необходимо и принимал туристов.

В один прекрасный день я гуляла с Малышом во дворе и случайно познакомилась с женщиной, которая просто шла мимо и присела отдохнуть на нашу скамеечку. Мы разговорились, и я узнала, что у нее есть две дочери-близняшки, которые в прошлом году закончили институт, и с тех пор никак не могли найти себе работу. Я предложила им зайти ко мне.

Мы встретились на следующий же день в подвале и сразу понравились друг другу. Я решила взять обеих близняшек. Так мы и начали нашу туристическую деятельность – я и две девочки, очень сильно похожие друг на друга.

Наша первая группа собралась совершенно спонтанно – Танин шеф, узнав, что я теперь работаю на ниве туризма, предложил объединить усилия и отправить в Париж общую группу на восьмое марта. Я дала маленькую рекламку в газете «Вечерняя Москва», но народу по ней набежало аж пятнадцать человек, окупив собой и рекламу, и аренду подвала за февраль-месяц. Себе я решила зарплату никакую не платить, но девочкам по двести долларов перепало.

Женька был готов помогать на первом этапе, но пока больших вливаний от него не потребовалось. А я снова засобиравалась в Париж. Мне надо было найти там партнера для дальнейшей работы. Как я его там буду искать, мне не очень было понятно, но я решила, что за неделю как-нибудь да решу этот вопрос.

Если сказать честно, то мой муж был не в восторге от всей этой затеи: он бы предпочел, чтобы я продолжала сидеть дома. Но вначале противиться не стал, видя мой энтузиазм и желание начать работать. Позже, особенно узнав о моем намерении снова рвануть в Париж, Женька выразил свое не очень положительное отношение к подобному повороту событий, но по большому счету уже было поздно – я под села на свой проект под названием «туризм» и с головой ушла в разработку различных программ и туров.

В этот раз мне пришлось довольствоваться тем, что предлагал Тарас Юрьевич. Но мы честно предупреждали наших клиентов о месторасположении отеля, а также нам удалось уговорить шефа убрать из программы две экскурсии, что сильно удешевило путевку. Тарас Юрьевич уже начал со мной заигрывать, что упрощало ведение всяческих с ним деловых переговоров – он старался понравиться и проявлял гибкость. От их фирмы в этот раз никто не ехал, и бесплатное место щедро предоставили мне. Тем более, что моих туристов в группе оказалось несколько больше, чем Тарасовых.

* * *

Я уже освоился с электрикой. А ведь в школе по физике еле тройку поставили. И вот – понимаю все, что куда. Палыч мной гордится. Он теперь, если в запое, то я могу и сам сходить, посмотреть что-как. Не всегда все получается, но тут главное, чтоб током не шарахнуло. Да и то ведь привык. Ко всему привыкаешь. Я вон и к жене привык. Она уже подъезды не метет, оформила декрет, сидит дома, борщи варит. Мать все ходит на свой завод, но их грозят перевести за город. Туда она за бесплатно, конечно, ездить не будет. Сказала, что будет сидеть с

ребенком, а жена пусть работать идет. Она все-таки молодая, крепкая. Жена и не против. Ей очень на рынке вещевом нравится. Мечтает туда устроиться, шмотками торговать.

Март, 1993

Женька отпускал меня с трудом. Поехать вместе мы не могли, так как у него в Москве в этот момент было очень много дел. Оставить все только ради того, чтобы быть вместе, казалось несколько нелепым. И все-таки он страдал. Страдал больше, чем я, потому что я-то ехала в мой ставший уже любимым Париж. Я ехала по делам, которые стали мне интересны. В конце концов я снова вырывалась из той золоченой клетки, в которой сидела уже почти два года.

В Париже я в первый же день познакомилась с мужчиной лет сорока, который работал на телевидении. Он поехал в поездку с женой, но, тем не менее, активно ухаживал за всеми особями женского пола, находившимися в поле его зрения. В этом поле оказалась и я. Разговорившись, выяснилось, что у Юры есть некая знакомая в Париже, которая владеет маленьким отелем. Юра благородно обещал нас познакомить. «Заодно, – говорил он, – я смогу потом пользоваться твоими услугами со скидкой, учитывая мою неоценимую помощь и поддержку».

День на третий нам удалось дозвониться до Юриной парижской знакомой. Она сказала, что ее отель очень маленький и расположен далеко от центра города, но вот ее брат работает в небольшом туристическом агентстве, которое может быть очень даже заинтересовано в сотрудничестве с русскими.

Встреча с братом была организована в считанные минуты, и так у меня появился мой любимый и незаменимый французский партнер Серж. У него не было еще никаких налаженных связей с русскими, он выглядел как совершенно затрапезный эмигрант, но в нем был шарм, полет души и желание идти своим новым партнерам навстречу во всем.

Первое же мое пожелание было найти нормальный отель. Меня волновал не размер комнат, а месторасположение. Я уже успела понять, что в Париже этот пункт должен стоять на первом месте. Остальное не так уж важно. Серж был готов искать для меня подходящие варианты. Вторым пунктом стоял летний отдых. Вилла в Грассе была хороша, но ставить на поток поездки с проживанием на виллах не имело никакого смысла – надо было искать недорогой отель. Серж опять кивал головой и выражал полное согласие искать.

За оставшиеся дни я сумела объехать несколько предложенных Сержем отелей и даже умудрилась выбрать один из них в качестве отправной точки в нашей дальнейшей работе. Гостиница находилась в престижном шестнадцатом районе, ванные комнаты в ней были теплыми, а холл и номера чуть больше привычных метр на метр. За начало нашего сотрудничества мы с Сержем выпили Кир Рояль в бистро, расположенном неподалеку от выбранного отеля. Что такое Кир я узнала именно тогда – шампанское, смешанное с черносмородиновым ликером, надолго стало моим любимым напитком, который я пыталась заказывать везде, где только можно, но только во Франции его подавали всегда и без удивления.

* * *

Натыкаюсь на придурков из моего класса. Некоторые пооткрывали свои фирмы. Некоторые работают менеджерами. Я теперь знаю, что так называют тех, кто на фирмах работает. Все менеджеры занимаются разными делами. Как мать говорит «перекладывают бумажки с места на место». Я стараюсь все фамилии удерживать в голове. Напротив четверых уже стоят галочки. Иногда читаю про всяких там маньяков и серийных убийц в газетах. Про меня ни слова. Да какой из меня серийный убийца или тем более маньяк. У меня цель в жизни. Высокая и благородная. Типа я мушкетер. Я смотрел про них кино. Ничего так смотрятся.

Апрель-май, 1993

Всю весну я активно занималась раскруткой своего турагентства. Потихоньку расширяла рекламу, рассылала свои предложения другим агентствам, во всю готовила летнюю программу. На работе я проводила все больше и больше времени, полностью доверив Малыша Жениной маме. К тому времени она решила совсем уйти из своего научно-исследовательского института и могла сидеть у нас дома весь день. Женька ворчал, конечно, не получая порой во время своего горячего ужина, но так как работали мы в соседних комнатах, он всегда был в курсе моих дел и порой ждал меня после работы, если мне приходилось задерживаться в ожидании какого-нибудь припозднившегося клиента.

Тарас Юрьевич, которого я уже называла просто Тарас и на «ты», все чаще своих туристов отдавал мне, так как их фирма все больше посвящала времени другим видам деятельности, приносящим более ощутимую прибыль. Тем более оказалось, что в Татьяне, на которую изначально делалась ставка, напрочь отсутствует предпринимательская жилка и никакими премиями и комиссионными ее нельзя было простимулировать настолько, чтобы она собрала наконец необходимое для получения хоть какой-то прибыли количество туристов.

Время от времени Татьянин шеф приглашал меня куда-нибудь пообедать, чтобы обсудить, как он говорил, «деловые вопросы». Особенно мы ничего такого уж не обсуждали. Все условия сотрудничества у нас были оговорены заранее и за их рамки мы практически никогда не выходили. За обедами же беседовали за жизнь.

Татьяна постоянно меня предупреждала об опасности вляпаться с Тарасом в любовную историю, но мне и в голову не приходило изменять мужу. Мне просто нравилось выйти в свет с привлекательным мужчиной, который был меня старше почти на пятнадцать лет и соответственно отличался от Женьки, как отличается солнце от луны. С Тарасом было интересно, Тарас принадлежал к другому поколению, Тарас был в конце концов тем типом мужчины, с которым до этого я никогда дела не имела.

В нашем офисе прибавился еще один сотрудник – бухгалтер Лена. Лена приходила на работу не каждый день, так как работала еще в одном турагентстве, в котором изначально и была найдена. Мой круг знакомств ширился день ото дня – мы уже и сами могли предложить кроме Франции Тунис, Турцию и Италию. Наши же партнеры по этим странам отдавали нам своих «французских» туристов. Как раз у моей новой подружки, директора агентства, занимавшегося Тунисом, я и нашла Лену.

Все вчетвером мы дружно толпились в нашей маленькой комнатке. В ней по-прежнему было два стола, на одном стоял факс, на другом красовался свежеприобретенный компьютер. За одним всегда велся прием туристов, и сидела одна из близняшек, за другим сидела либо я, либо Лена, оформлявшая необходимые для бухгалтерии бумажки «оптом», сразу за несколько дней.

Уже в конце мая Женька, зайдя на огонек, увидел всех нас, встающих по очереди из-за столов и меняющихся местами по мере необходимости. Одна из близняшек, закончив печатать список туристов на компьютере, прогоняла Ленку из-за стола с факсом, отправляла список во Францию, снова менялась с Ленкой местами, а мы со второй близняшкой скромно восседали на свободных стульях, обсуждая какие-то детали летних туров.

Женя, посмотрев на все это, изрек вечером за ужином имевшую далекие и в тот момент неведомые ему последствия фразу:

– Вам нужен новый офис.

– Да, – согласилась я, – тесновато, надо бы что-то попробовать найти.

– Я забираю весь подвал себе, видимо детский центр полностью переедет в другое помещение, но вам надо искать что-то посолиднее, чем подвал.

Так из маленькой комнатки в подвале, без особой оргтехники и со старой мебелью, доставшейся нам в наследство от «детей», мы к началу июня переехали на первый этаж научно-исследовательского института, в котором когда-то работала Женькина мама. Конечно, это не было случайностью. Нас туда вселили по знакомству. Впрочем, директор НИИ этому знакомству оказался не менее рад, чем мы. Дохода у него никакого не было, и любая арендная плата приносила большую, да еще и наличную прибыль. Нам отдали огромную по нашим меркам площадь, включавшую в себя несколько маленьких комнат и приличный холл. Женька посоветовал брать все, что дают, несмотря на довольно солидную стоимость такого количества квадратных метров. Он, конечно, посадил бы свою жену с удовольствием обратно домой, но бизнесмен в нем брал вверх.

* * *

Родился сын – богатырь! Но орет, сволочь! Почище матери, жены и Люськи вместе взятых. Да главное ночами. Ладно б днем – меня все равно дома нет, а то ж ночами... С женой спали-то мы не долго, в смысле секса. Сделали ребенка в деревне, потом отгородились от матери шкафом и как-то еще немного подвигались, потом уж срок не позволял. А теперь шкаф пришлось убрать, так как кроватку с ребенком поставить было б некуда. Да и жене не до секса. Тетка по телеку права была, когда говорила, что его у нас нет. У нас действительно его нет. Я согласен. Откуда брать-то? Жена там вся порвалась в роддоме. Она и если б сын не орал не могла б. А тут еще и этот ирод. Девка, правда, есть в ЖЭКе. Мы как чуть выпьем (а я стал почаще этим баловаться, чтоб полегче жизнь переносить было), так перепихнемся прям там в подвальчике.

Июнь, 1993

Все лето в нашем новом офисе шел ремонт. Мы же продолжали работать в подвале, к тому времени уже принадлежавшем моему мужу, поэтому двойную арендную плату платить нам не приходилось. От щедрот душевных нам даже втиснули третий стол – пока суть да дело, мы могли хоть как-то разместиться в покидаемой нами комнатке.

Туристы скромно сидели в очереди в коридоре, обсуждая свои планы и детали будущих поездок. Даже небольшая реклама давала ощутимую отдачу – мы предлагали недорогой отдых на Лазурном берегу Франции в очень хорошей гостинице прямо на берегу моря. Я не успела посмотреть ее «живьем», доверившись мнению Сержа. Он подобрал отель, в котором в номерах были кухни, а сами номера отличались большим размером. То, что отель находился в каком-то никому в России неизвестном городке, нас не смущало – городок был очень даже симпатичным и недалеко от знаменитых Ниццы и Канн. Я собиралась поехать все лично посмотреть в июле вместе с Малышом и Женей.

Дома у нас велись беседы исключительно о работе – либо о моей, либо о Женькиной. И даже когда приходили гости, все говорили только о бизнесе. Всеобщая лихорадка по открытию своих фирм и зарабатыванию денег охватила и наших друзей. Илья, правда, устроился очень удачно работать в банк к знакомым его дяди. Его сразу начали повышать по службе и платить приличную зарплату и бесконечные премиальные. Анька вместе с мужем Виталиком по-прежнему занимались куплей-продажей квартир. Когда их спрашивали о том, когда они собираются завести ребенка, Аня брала инициативу в свои руки и безапелляционно заявляла, что не скоро. Бизнес брал вверх. Машка не работала, но зато ее муж упорно пытался найти применение своим силам в сфере рыночной экономики и поэтому они тоже разговаривали исключительно о возможных путях зарабатывания первого миллиона.

Со мной многие хотели ехать на Лазурный берег, но в тот год наша семья оказалась там все-таки без друзей. Зато мы вывезли за границу Женькину маму. Мы сняли два номера – для себя и для мамы с Малышом. Мама была счастлива, она впервые выехала за пределы Родины, так как из-за работы в секретном НИИ у нее раньше такой возможности не было. Даже когда НИИ развалилось, и не было уже никакой работы, ни обычной, ни секретной, шлейф секретности продолжал тянуться за Женькиной мамой. Наконец, ей выдали паспорт, и мы решили отметить это грандиозное событие выездом во Францию.

– Раньше положено было начинать с Болгарии или Румынии, – скромно заметила Ольга Петровна, когда мы предложили ей ехать с нами.

– Раньше с тебя секретность не сняли бы вообще никогда, – пробормотал Женька, – но если тебе сильно надо начать с Болгарии ...

– Нет, нет, – затрясла головой мама, – Франция меня вполне устраивает. Тем более, что я буду там с Малышом.

Чем сможет ей там помочь еще плохо говорящий даже по-русски Малыш, было не очень понятно, но мы ничего комментировать не стали.

* * *

Ой, мне тут полегчало! Жена, мать и ребенок съехали на лето в деревню. Там, конечно, полегче и им будет: и нянек побольше, и свежий воздух. А я хоть смог опять подумать о цели в жизни. Галочек маловато. Всего четыре. А народу – тьма тьмуцкая. Как еще всех упомянуть, никого не забыть в суете такой.

Встретил недавно Женькину мамашу. Собирается с внуком во Францию на лето. А я ей: «Моя маманя с внуком в деревню поехала». Она мне: «Вот и я бы лучше на дачу, но так уж вышло. Поедем во Францию, на море. Малышу-то рановато, но ничего, может и нормально все

пройдет». Я ей посочувствовал. И понял фразу из какого-то сериала: «Богатые тоже плачут». Плачут, конечно, если жизнь бьет, так уж всех, без разбора.

Июль, 1993

Французский городок на долгие годы ставший нашим пристанищем для летнего отдыха назывался Фрежюс. Знаменит он был только одним: давным-давно в нем останавливался на ночлег по пути к месту своей ссылки Наполеон. Соответствующая табличка висела на домике, в котором произошло сие счастливое событие и те туристы, которые ее замечали, могли поставить галочку в своем культурном развитии еще в одном месте.

Городок в основном был расположен ближе к горам, и карабкаться вверх по узеньким улочкам было в жару довольно-таки утомительно. Поэтому основная масса туристов так и довольствовалась до конца своего отдыха той местностью, которая простиралась вдоль моря.

Из окон отеля открывался вид потрясающий: небольшой порт, забитый белоснежными яхтами, мостики и за ними маленькие ресторанчики, которые вечером начинали светиться всеми цветами радуги. Мы выходили на свой балкон с бутылочкой французского вина и заплесневелыми сырами на тарелке. Мы почти ничего не говорили весь вечер, только иногда вздыхали, отпивая глоток из бокала, со словами: «Как же хорошо!».

Женькина мама, Ольга Петровна, вообще говорила очень мало. Она никак не могла поверить в то, что она во Франции. И единственное, что ее спасало – это кухня. В шкафчиках стояла посуда самого разного назначения, холодильник раз в несколько дней забивался нами всевозможной едой, и Ольга Петровна могла готовить в свое удовольствие. Недостающую для полного счастья большую кастрюлю для супа мы по ее просьбе раздобыли в ресторане при отеле. Я ела салатик, а Женька, Малыш и сама Ольга Петровна питались на обед по московской привычке супами.

С собой в первую поездку я взяла нового сотрудника, Антона, которого мне порекомендовала моя бывшая однокурсница. Антон только что закончил филфак МГУ, на который в свое время поступал только потому, что там учились одни девочки, и мальчиков туда брали весьма охотно. Но теперь он знать не знал, что ему дальше делать со своим французским языком. Пристроить его решили ко мне в турагентство.

Я Антона предупредила сразу, что французский его нам особенно не пригодится, так как наши партнеры во Франции русские эмигранты, не успевшие забыть родную речь настолько, чтобы активно пользоваться Антоновыми познаниями во французском языке. Молодого человека этот факт не смутил, он был готов отправлять туристов во Францию, не пользуясь при этом своим крутым филологическим образованием.

Тем не менее, на Лазурном берегу для Антона нашлась работенка. Русскоговорящего гида в районе Фрежюса найти было практически невозможно. На русских, в принципе, там смотрели как на диковинку. Владельцы местных ресторанов и магазинов радовались как дети нашествию щедрых русских туристов, турагентства были рады предоставлять нам автобусы и гидов, но последних нужно было переводить на родной язык. Антон, чьи познания в области французской литературы, культуры и истории, без дела лежали в соответствующих отделах головного мозга, развернулся по полной программе. Туристы его обожали: он не только переводил гида, но и добавлял массу интереснейших фактов от себя.

Время от времени можно было встретить на набережной Антона, за которым следовал добрый десяток человек. Антон рассказывал очередную трагическую историю о судьбе какого-нибудь французского короля, знаменитого художника-импрессиониста или эмигрировавшего во Францию русского писателя. Периодически туристы рассаживались за столики небольшого кафе, а так как в меню не было чаще всего даже английского подстрочника, то Антон не только переводил странные названия блюд, но и давал краткий комментарий по поводу каждого из них. За Антона естественно платили, а также щедро преподносили вечерами в подарок бутылки с разного рода спиртными напитками.

Антон был в своей стихии: в институте за ним бегали девчонки, теперь ему в рот смотрели туристы. Я же впервые могла отдыхать, а не носиться со своими клиентами: им даже в голову не приходило «изменить» любимому Антону.

* * *

Зовут меня тоже в отпуск в деревню, но я все ж держусь. Говорю: «Отпуск не дают». Хотя летом, как раз, работы совсем мало – жгут электричества не так, как зимой, разъезжаются кто куда, соответственно меньше вызовов. Сидим с Палычем, режемся в домино. С нами еще водопроводчики. У них, если что, прям как у нас, воду перекрыл и давай дальше, «рыбу» делай. Мы в таких случаях электричество вырубаем. Первый закон Палыча – электричество вырубил, посиди подумай!

Иногда приглашаю свою девицу из ЖЭКа домой. Баб моих нет и соседей сейчас тоже нет. Красота! Тамарка молодая и симпатичная, но дура дурой. Подъезды метет. Но приехала она из Белоруссии. Так что работает за квартиру. Пока ж живет в нашем подвальчике. Но в отдельной комнате. Так что соседи приедут, опять будем у нее перепихиваться.

Август, 1993

Женька как-то вечером сказал, что я меняюсь. «В каком смысле?», – спросила я его. «В прямом», – не стал развивать почему-то он свою мысль.

Моя фирма переезжала в новый офис, и с мужем мы стали видеться только вечерами. Он терял надо мной контроль, я же порой не вспоминала о нем весь день, бегая по делам и занимаясь делами своих туристов. Меня было порой сложно застать на месте, мобильных по-прежнему еще не было, Женька волновался, но повернуть вспять этот процесс было уже нельзя.

Мои подруги разделились на три части: первая родила и сидела дома, не собираясь выходить на работу, порой несмотря на отсутствие в семье денег; вторая родила и делала во всю карьеру, как и я; третья не рожала и рожать в ближайшее время не собиралась и делала карьеру. Собирались мы вместе все чаще именно со второй и третьей частью. Мы мотались по новым только открывшимся магазинам с огромным количеством импортной одежды, обедали вместе в кафе и обсуждали мужей, любовников и подруг.

У меня любовника не было, мужа обсуждать было не интересно, оставалось только слушать других или обсуждать подруг. Ну хоть они-то у меня были. Во время походов по магазинам я только давала советы подругам и изредка что-то мерила. Покупать себе вещи я решила только во Франции, и постепенно гардероб из китайско-польского превращался в чисто французский. Женька косвенно в этом превращении тоже принял участие. Он перестал ездить в шоп-туры и, наладив деловые контакты в Польше, начал поставлять оттуда замороженные продукты.

Нельзя сказать, что мы сильно разбогатели, так как все время вкладывали во что-то деньги. Но наши фирмы резво шли вперед, мы уделяли работе все больше и больше времени, и только осень нас тормознула на два-три дня, а потом мы также бодро двинулись дальше, как будто и не было ничего.

* * *

Думал о списке, кто будет следующим. Попадаются иногда однокласснички на улице, а тут лето – никого. Но у меня адресок был припасен, где-то совсем у черта на рогах. И от метро еще ехать несколько остановок на автобусе. Дом новый, я съездил, посмотрел, с домофоном. Одна наша девица туда переехала после расселения коммуналки. Думаю, не этот ли вариант рассматривать как следующий. А то далеко переться. Надо уж отделаться. Всех, кто в нашем районе надо на потом оставлять. Хотя они, сволочи, как тараканы, расползаются. Кто женится, кто замуж выходит, кто еще зачем переезжает.

Осень, 1993

Осенью снова тряхануло государство Российское. Мы не очень-то привыкли к спокойствию и стабильности, поэтому были не удивлены новому нашествию на отечественный Белый Дом. Женька велел мне сидеть дома и «не лезть под пули». Сам все-таки побежал в офис.

Мы с Жениной мамой и Малышом сидели исправно дома и смотрели по телевидению новости ВВС. Малыш пытался привлечь внимание к собственной персоне, но у него это плохо получалось. По телевизору показывали, как танки лупят по Белому Дому, а у нас на Белорусской эхом раскатывались удары из реального, а не телевизионного Дома, и слегка дребезжали стекла.

Чуть позже днем Женька вернулся домой с целой сумкой провизии и сказал, что повсюду в близлежащих районах сидят снайперы, некоторые станции метро закрыты и на всякий случай он закупил, как это принято в таких случаях в нашей семье, еды. Звонили мои родители удостовериться, что у нас все в порядке и передать, что все в порядке у них. Звонили наши друзья и одноклассники, делились своими впечатлениями. Некоторые из них ходили к Белому Дому поглазеть на все это действо и теперь считали своим долгом рассказать, как там все это было. Происходившее напоминало какую-то греческую трагикомедию, разыгрываемую на свежем воздухе в амфитеатре. По ВВС показывали женщин с колясками, пришедшими посмотреть на «спектакль», удивлялись и делали большие глаза.

Вечером пришел Илья, и мы пили заначенный коньяк, закусывали его многочисленными закусками и говорили о том, что «Слава Богу, вроде бизнеса этот путч-не-путч коснуться никак не должен».

Следующий день мы провели в самом себе выделенном отгуле. Мне нравилось, как у нас проходит второй подряд путч.

– Если бы люди в 1917 году отнеслись к революции также, как сейчас, то, пожалуй, ее и не случилось бы, – поделилась я с мужем своим политическим тезисом.

* * *

Я опять сходил к Белому дому, но тут уж помощь моя не понадобилась. Мы пошли с женой. Ей тоже интересно было посмотреть, как там по нему лупасят. Мать была на работе, мы сынишку с собой взяли. Он обалдел! Орать начал. Отчасти я его понимаю – громковато было. Но нормально! Прямо театр! Мы в него не особо ходим, конечно, но я думаю, там происходит что-то похожее.

Декабрь, 1993

Мы опять готовимся встречать Новый год в Париже. Женька смирился с этой своей участью и даже не пытается спорить.

Наше агентство набрало несколько групп, и сам Бог велел ехать. Во-первых, проследить как оно там все пройдет. Народу много и пришлось бронировать разные отели, надо их все посмотреть. Во-вторых, просто отметить Новый год. В-третьих, закупить одежды.

Тарас, Татьянин шеф, снова зовет в ресторан на обед. Мы слишком часто встречаемся в последнее время, и этот факт меня пугает и настораживает. Тарас мне нравится – он ухаживает за мной все более настойчиво, и это, видимо, приносит свои плоды. Его цветы я оставляю в офисе, понимая, что надо бы попросить Тараса их не дарить, но язык не поворачивается, а домой с ними припереться не позволяет совесть. Да и что я буду говорить Женьке? «Эти цветы мне дарит Тарас Юрьевич, Танькин шеф.» Очень мило. Женьке понравится.

В конце обеда, провожая меня до офиса, Тарас вдруг говорит:

– Ты едешь в Париж с мужем? – я киваю головой, – надеюсь как-нибудь ты съездишь туда со мной.

Он уходит, а я стою в ступоре. Атака из начальной подготовительной фазы явно переходит потихоньку в более активную среднюю. Устоять бы до конца, а то, что-то беспокоит меня финал. Как грянет тяжелая артиллерия... Что Тарас предьявит в качестве тяжелой артиллерии мне было не ведомо, но почему-то от этой мысли побежали мурашки по телу, и я продолжала стоять в легком ступоре посреди нашего длинного коридора в полуснятом пальто.

– Эй, шеф, тебе помочь? – спросил весело проходивший по коридору Антон. Он подхватил пальто и шуточно поклонился, пропуская меня вперед.

Мне мешали немного мои нехорошие мысли. Раньше я даже и не помышляла о том, что в принципе могу изменить Женьке. Теперь эта мысль подлой змеюкой проникла в голову и никак не хотела оттуда уходить. Из-за укоренившейся привычки почти все обсуждать с мужем, а не с подругами, так и хотелось и этим тоже поделиться с ним. Казалось, что умный Женька все разложит по полочкам, объяснит, почему не надо мне ему изменять, а тут же и встанет все на свои места. Но, даже находясь немного в ненормальном состоянии, я понимала, что он мне тут не советчик. С подругами я обсуждать подобные вещи вообще не привыкла и с трудом обсуждала с ними даже такую банальную вещь, как моя семейная жизнь. Я не представляла себе, что будет, если я расскажу о Тарасе Таньке. Она может сказать, что предупредила меня о его аморальном поведении, а может ведь и начать толкать в его объятия.

Что самое смешное, Женька меня ревновал к Антону. А у Антона была девушка, с которой он еще в институте начал встречаться и несмотря на то, что мы друг с другом часто в шутку кокетничали, ничего, кроме дружеских чувств не испытывали. Можно было, наверное, все обернуть в более серьезные отношения, но ни у одного из нас не было желания усложнить себе жизнь.

Тараса Женька воспринимал как моего делового партнера и не более. Я скрывала тот факт, что мы часто встречаемся просто так, пообедать и поболтать. Скрывала именно потому что уже, казалось, было что скрывать. Если мы перекусывали в кафе с Антоном, то это не скрывалось, потому что за этим ничего и не стояло. За обедами с Тарасом – стояло. Еще не понятно что, но легкое чувство вины я уже начала испытывать.

* * *

Жена орет, что я на работе задерживаюсь. Можем, конечно, и выпить, можем и с Тamarой встретиться. Но уж что скандалить-то. В итоге, хорошо мать вступает. И тут уж они вдвоем

кричат, а я потихоньку на кухню. Поем, глядишь, они уж и не орут, сидят, сериал смотрят. А я спать.

На Новый год сидели дома, смотрели телевизор. Съели целый таз салата. Я водки выпил, жена и мать шампанского. Потом тоже перешли на водку. Шампанское это они уж так для понта выпили. Так-то мы все его не очень. Но на Новый год положено. А я все равно сразу водки. Чего добро переводить.

В газетах пишут про разные там убийства. Все не мои. Мои – впереди, надейся и жди!

Январь, 1994

После того, как мы душевно уже во второй раз отметили Новый год в Париже, у меня случился первый корпоративный заказ. Целая куча бизнесменов хотела поехать в Цюрих на какую-то жутко важную выставку. Я понятия не имела, что такое Цюрих и Швейцария вообще, но с помощью невероятных комбинаций нам удалось найти партнеров в этой чудесной стране и забронировать все необходимое для таких перспективных клиентов.

В нашем офисе весь январь кипела работа: Антон пахал на ниве французских туров, близняшки «раскидывали» клиентов, желающих ехать в другие страны, по тем операторам, которые специализировались на соответствующих странах, а я висела на телефоне, занимаясь организацией Цюрихской поездки.

Вечером я приходила домой поздно, целовала сонного Малыша и садилась ужинать, чем послал Бог и Женькина мама. Сам Женька приходил примерно в тоже время, что и я, так как у него тоже было много дел на работе, его фирма во всю раскручивалась, но ему приходилось отслеживать все сделки, лично ездить по магазинам заключать договора, а порой и развозить товар на собственной машине. Женьке все-таки хотелось снова меня усадить дома, чтобы быть более спокойным за мою честь, но он уже понимал, что это невозможно. И мы вместе сидели вечерами с упоением, перебивая друг друга, рассказывая о том, что случилось у нас за день.

Женька продолжал следить за успехами моего агентства, порой давая дельные советы по поводу рекламы, бухгалтерии и прочих не очень мною любимых нетворческих дел. Ленку бухгалтера мы уже полностью переманили к себе, счета у нас были в том же банке, где и Женины, да и рекламный агент был общим. Впрочем, рекламный агент был нововведением, внедренным пожалуй скорее мной. До определенного момента по разным изданиям мы бегали сами, но объемы росли, времени становилось все меньше и меньше, и попавшая под руку энергичная девушка, предлагавшая разместить рекламу на радио, стала нашим рекламным агентом. Реклама на радио нам была не нужна, и девушка без особого сопротивления перешла на газеты и журналы.

* * *

Зимой темнеет рано. Самое оно для тюкания по башке в темном подъезде. Я в этот раз решил использовать свои познания в области электричества и вырубить его на фиг. Я подумал, а вдруг кто-нибудь выживет. И меня возьмет и сдаст – мол, он меня по голове сильно ударил, почти до смерти. И засадят меня. А мне этого не надо. Так что Анжелку я вырубил в темноте. Аж самому страшно было. Думаю, сейчас бах, и меня тоже шарахнут чем-нибудь тяжелым. Пошел, включил обратно свет и на автобусную остановку. Пока домой добрался было уже час ночи. Жена, дура, опять давай орать. Ребенок проснулся и тоже орать. Мать проснулась и сразу матом. Тетя Люся проснулась и ну барабанить нам в стену: замолчите, типа, люди приличные уже спят. Нервы мои не выдержали, и я гаркнул: «Хватит! Надоело!» и пошел к Тамаре в подвал. Жена на следующий день ревела и причитала. Якобы думала, я навсегда ушел. Да куда ж я навсегда уйду. Жилплощадь все-таки моя...

Февраль, 1994

В феврале я засобиравалась в Цюрих. Я не могла бросить своих первых корпоративных клиентов на произвол судьбы и твердо решила сопровождать их в Швейцарию, чтобы решать все возможные проблемы оперативно на месте. Сопровождение важных клиентов на долгие годы станет для меня законом, нарушить который не могли никакие Женькины доводы. Я вела их «под ручку» от Шереметьевского аэропорта до Шереметьевского аэропорта. И когда мы расставались, пройдя на обратном пути последний паспортный контроль и получив наконец чемоданы, мои туристы были уже моими навсегда. Они ездили через нас сами, рекомендовали нас своим родственникам, друзьям и коллегам, расширяя тем самым без всяких затрат с нашей стороны, клиентскую базу нашего агентства.

В Цюрихе мы жили в Хилтоне. Впервые я попала в такой шикарный отель, впервые со мной в группе были люди, для которых швырнуть тысячу долларов не составляло никакого труда, впервые я общалась за границей не с эмигрантами, а с коренным населением, наконец-то во всю используя свои знания английского языка. Каждый день мы обедали и ужинали в лучших ресторанах города, а в конце поездки мелким оптом закупили дорожные швейцарские часы в шикарном бутике. Нам подарили кучу разных презентов, которые перекочевали мне в сумку, так как господа-туристы посчитали их брать ниже своего достоинства. Сначала они пытались от подарков отказываться, но увидев обалдевшие, совершенно ничего не понимающие лица швейцарцев, махнули рукой и велели их все забрать мне на добрую память. Я не возражала. У меня оказались в сумке часы для Женьки, его и моей мамы, а также маленькие сувенирные часики-кукушка. Себе я часы купила. И если часы, купленные в Париже год назад, стоили шестьдесят долларов, то эти швейцарские стоили все триста. Мои часы по цене и рядом, конечно не стояли с теми, что купили туристы, но я была собой довольна – как никак благосостояние выросло в пять раз.

Поездка завершилась благополучно – туристы всем были довольны и собирались все дружно ехать с нами семьями на Лазурный берег летом.

* * *

Тут опять мать зачитывает: «Убийство, похожее на то, что было совершено в это же время в прошлом году». Ну надо ж! А я и не заметил! Действительно, только один разок получилось в сентябре, а так все зимой, после праздников. Но, во-первых, зимой темнее, во-вторых, как-то оно на подъеме все идет: вроде ж новый год, надо жизнь начинать с чистого листа. Так нам в школе талдычили. Ну в самый раз получается поставить еще одну галочку. А эти-то милиционеры! Просекли, что зимой и что чем-то тяжелым и что в подъезде. Тряпицу, кстати, я в этот раз выбросил в мусоропровод. Очень удобная система – прям там идешь и бросаешь в мусорку! Тряпку, там написали, что нашли. В этот раз были следы крови. Но отпечатков нет. Так откуда ж им взяться?! Я ж был в перчатках!

Март, 1994

Женька переезжал из подвала! Новый этап в развитии его фирмы был ознаменован арендой складов и нового офиса. Наша бедная квартира до сих пор стояла наполовину отремонтированная, зато офисы наших фирм приобретали совершенно цивилизованный вид. В этом пункте у нас с Женькой была полная солидарность. Родители нас не понимали, но зато мы понимали друг друга.

Я во всю трудилась над составлением программ на новый летний сезон, пытаюсь расширить круг наших предложений, а Женька бегал по появляющимся в Москве как грибы после дождя магазинам, предлагая свою продукцию. У него, как и прежде, было небольшое количество работников, и все они трудились на износ. Найти новых сотрудников было не сложно, но Женька был очень привередлив в этом вопросе. Поэтому оставались у него только лучшие, «отборные».

Анька иногда предлагала нам очередные квартиры. Она сама переезжала уже третий раз за год. Последний вариант она позиционировала как окончательный. Квартира находилась в бывшей огромной многокомнатной коммуналке, бодро расселенной Анькой для богатого клиента. В последний момент клиент раздумал по каким-то причинам покупать эту квартиру, и Анька с мужем въехали туда сами. Был затеян грандиозный ремонт, конца и края которому не было видно в обозримом будущем. Хозяев это, впрочем, не очень волновало: гостей они принимали то в одной, то в другой комнате, а то и на большущей кухне. Ремонтные работы растекались по разным частям квартиры, ни одна из которых не заканчивалась до конца. Аньке в голову приходили различные дизайнерские идеи, и работникам приходилось перескакивать из одной части квартиры в другую по мере их возникновения.

Уже, правда, была снесена пара стенок и возведена арка в коридоре. Это были единственные ощутимые результаты ремонта, но хозяева гордо демонстрировали провалы в стенах, и мы бодро кивали восхищенными головами.

– Может и нам снести что-нибудь? – спросила я Женьку после очередного субботнего посещения подруги.

– В этой квартире мы уже делать ничего не будем, – ошарашил меня своим новым решением муж, – надо переезжать.

Совершенно очевидно Анькина квартира повлияла на Женькино решение оставить пока в покое наши собственные апартаменты и расширять не жилплощадь, а бизнес.

* * *

У нас тут соседи разъехались, и мать тоже заговорила про отдельную квартиру. На самом деле, говорит она про нее сколько себя помню. Сначала соседей у нас было больше, но потом тетя Люся прописала к себе сына со всей его семьей, и когда наши третьи соседи съехали постоянно жить в какую-то страну, где, как мать говорит, «одни, представь, евреи и ни одного нормального человека!», ей отдали ихнюю комнату. Мать, конечно, ругалась и ругается. Эта комната в основном и является основой всего ора в квартире. Люська ее сдает всяким временным рабочим, приезжающим в Москву на заработки. А мы недовольны. То есть мне-то наплевать – ну живет там какое-то лицо кавказской национальности несколько месяцев. Тихо живет, никого не трогает. И даже иногда носит с рынка еду на кухню и всех угощает. Но мать как прицепится, так уж все. Так вот тут опять встал вопрос о расселении. Я нашел телефон риэлтерши Аньки и решил спросить про нашу квартиру.

Апрель, 1994

Я «вышла» на Англию. То есть Англия вышла на меня. Вдруг мне пришел факс от какой-то английской фирмы, занимающейся организацией туров для тех, кто хочет изучать английский язык на родине Шекспира. Я решила «почему бы и нет?» и начала обсчитывать путевку.

В это же время активизировавшийся по поводу улучшения и расширения жилплощади Женька регулярно выдергивал меня с работы для осмотра очередной квартиры. Квартиры он смотрел под стать Анькиной: многокомнатные, коммунальные, в историческом центре. Цены меня пугали, но так как энергично взявшийся за дело муж меня пугал больше, я предпочитала отмалчиваться и честно смотреть варианты.

Квартиры отменялись в основном либо из-за их неудобного расположения, либо из-за их чудовищного состояния. Мы готовы были смириться с плохим состоянием, но с чудовищным никак. Чудовищным состоянием на наш взгляд было такое, когда, например, в ванной была дыра в потолке, и в принципе можно было мыться, переговариваясь с соседями сверху. Или весь дом уже выглядел так, что вот-вот обрушиться его деревянные перекрытия, возведенные, казалось, во времена нашествия Наполеона. Некоторые квартиры находились прямо на Садовом кольце, и дышать в них было категорически нечем. Тем не менее вся семья уже заразилась квартирной лихорадкой, и варианты сыпались на нас со всех сторон: то знакомые папы толкали квартиру своего двоюродного дедушки, то коллега мамы предлагал въехать в апартаменты своей престарелой тети, то вдруг знакомые знакомых решили выехать из своей коммунальной квартиры и предлагали нам ее расселить.

Больше всего квартир сыпалось от эксперта Аньки. Она не гнушалась предлагать нам просто все подряд. И мы вежливо по десять раз на дню отклоняли предложения ехать смотреть квартирку на Юго-Западной или еще того хуже в Солнцево.

– А что? Это вы зря, – тараторила в трубку Анька, – вот у меня тут подруга уехала с мужем в Солнцево. И ооочень рада. Очень! Новый дом, квартира большая, воздух свежий, рядом лес. Лес ооогромный. Можно в нем гулять с Малышом!

Мы не хотели в лес, мы не хотели в огромный лес. И вообще не хотели в Солнцево (да простят меня его достопочтимые жители). Ольгину квартиру мы, правда, в конце апреля увидели. Оля была Анькиной институтской подругой, но мы часто виделись на общих собраниях, и неожиданно нас пригласили в гости.

В Солнцево мы ехали долго и упорно, потом мы ехали уже по Солнцево. Доехав до леса мы увидели нужный нам номер дома – дом реально стоял на опушке. Этакая многоэтажная избушка у леса. В квартире хозяева гордо нас водили по своим отремонтированным трем комнатам, показывали большущий телевизор и какую-то страшную кучу бытовой техники на кухне. Техника молотила, выжимала, резала и пекла все, что только можно и гордо блестела белоснежными боками на кухонных столешницах. Стенка между кухней и комнатой была по последней моде снесена, так что огромный телевизор принимал полноценное участие в демонстрации последних достижений науки и техники.

– Квартира хорошая, но сюда мы пожалуй все-таки не поедем, – обрадовал меня Женька на обратном пути.

– Да, да я с тобой полностью согласна, – искренне закивала я головой. Лес лесом, но жить на его опушке, мы дети центра Москвы, не хотели никак!

* * *

Анька меня не послала. Даже странно. Приехала, посмотрела квартиру, спросила про проживающих. Сказала подумает. Но перспективы, говорит, хреновые. Тетьке Люське положена двушка, на меньшее она и не согласится (потом тетя Люся замахнулась на две одноком-

натные квартиры, что свело на нет все мои усилия и материны мечты), а нам все равно больше однокомнатной не видать. За большее придется доплачивать. Как Анька сказала сколько, так я чуть с табуретки и не свалился. А однокомнатная мне зачем? И так одна комната, и сям. Вечером я матери все рассказал, она расстроилась, сходила к тете Люсе. А та ее и огорошила требованием двух однокомнатных квартир. Так мать снова забила на свою мечту.

Май, 1994

На семейном совете было решено не отправлять во Францию на все лето Ольгу Павловну с Малышом. Мы нашли им милую дачу недалеко от Москвы, сняв ее в крутом генеральском поселке недалеко от Архангельского. Женькина мама была несказанно рада тому, что ее не ссылают на Лазурный берег.

– Там, конечно, хорошо, – бормотала она тихонько, – но я не знаю иностранных языков, да и Малышу будет лучше поесть подмосковных ягодок, огурчиков, кабачков.

В этом месте Ольга Павловна воодушевлялась и начинала говорить громче:

– Я, пожалуй, спрошу, можно ли там мне посадить что-нибудь. Кусты приведу в порядок. Так может быть что-то и вырастет.

Наши обещания покупать все необходимые витамины на рынке не могли остудить ее пыл. Когда-то после смерти мужа Женькина мама была вынуждена продать свою дачу, чтобы откупиться от дочери мужа от первого брака, претендовавшей на часть отцовской квартиры. В итоге она довольствовалась дачными деньгами, а Женька рос в отдельной квартире. Но мама все эти годы вспоминала любимую дачу и теперь была готова снова начать заниматься посадками и закручиванием банок.

На работе мы дружно оформляли детей, решивших ехать в Англию. Было решено всем по очереди сопровождать группы. Большинство детей ехали одни без родителей и чтобы подстраховаться мы взяли на себя функции воспитателей. Весь сезон с 1 июня по 30 августа был поделен на трехнедельные отрезки, был составлен график, и первой естественно стартовала я.

Старту предшествовали дикие мучения у консульства Соединенного Королевства. Почти всю группу пришлось тащить на собеседование, чтобы доказать, что никто из нас оставаться в их прекрасной стране не хочет. В очереди люди делились друг с другом жуткими страшилками про то, как проходит собеседование, как несмотря на собранные бумаги о владении недвижимостью, машинами, семьями и важными постами на работе, людям отказывали в самой категорической форме. У меня были справки о наличии Малыша, Женьки, доли в квартире и о наличии собственной фирмы. После нескольких часов стояния в очереди мне казалось, что я обделена чем-то очень важным в этой жизни – справок явно было мало.

Как ни странно, консульские работники посчитали, что я благонадежна. Через некоторое время благонадежными оказались и все остальные члены группы. Отказали в визе только одному мальчику. Его маме и младшему брату было дозволено посетить волшебное королевство, а старшенькому пришлось остаться с папой (в качестве, видимо, залога, на случай, если маме взбредет в голову остаться в Англии). То, что семья в России жила так небедно, что маме и в страшном сне не приснилось бы иммигрировать куда-либо, никого не волновало.

В то же время мы с Женькой продолжали смотреть квартиры. Конечно, уже гораздо в меньшем количестве, чем в начале, но так или иначе, раз в неделю мы куда-нибудь да выезжали. Иногда Анька нас спрашивала: «Когда же вы что-нибудь выберете?!». Мы ей отвечали: «Вот когда доделаешь ремонт в своей квартире, тогда и мы переедем в новую».

Я вдруг подумала, что мы с Женькой теперь сексом занимаемся пару раз в неделю, а раньше каждый день. Скорее нас теперь можно назвать родственниками и партнерами по бизнесу. Хотя нам как и прежде хорошо вместе и очень комфортно, но нет уж былых страстей. Наверное, это нормально?

По-прежнему обедаем на неделе с Тарасом (чаще, чем с Женькой сексом занимаемся), иногда он предлагает вместе поужинать, но ужин пока не клеивался ни разу – я всегда тороплюсь домой, итак на работе задерживаюсь, если еще и на свидание бежать, вообще непонятно, когда вернусь. Тарас предлагает поехать с ним в Париж, я отшучиваюсь.

Настораживает меня тот факт, что «летаю» я и «цвету» именно благодаря Тарасу. Покупая что-то, я думаю о том, понравится ли ему моя новая одежда. Специально на работу наряжаюсь, как на праздник, чтобы на обеде с Тарасом выглядеть на все сто. Благодаря чему на меня обращают внимание и другие мужчины тоже. Антон самый безвинный кавалер из всех. Я уже чувствую, что и он не против закрутить со мной роман, но мы делаем вид, что мы просто друзья. Ничего больше. С Антоном проще – он не в моем вкусе. А Тарас видимо в моем.

* * *

Я жду лета – семейка опять уедет в деревню. Мать второй год берет за свой счет на работе. Я ржу, говорю: «Мать, тебе все равно зарплату не платят, чего за свой счет брать. Езжай так». А она: «Положено, сынок. И потом иногда чего-то они ж платят. Ну не во время, но все ж какие-то деньги».

Июнь, 1994

И вот мы в Англии. Я очень была рада, что поехала, потому что сразу же в аэропорту нас поджидали сюрпризы. Не приехал во время автобус из школы, который должен был нас отвезти в Гастингс. Я звонила в агентство, искала встречающего, успокаивала туристов и вообще развлекала их как могла. Надо детям отдать должное, они не особенно-то и волновались, жевали гамбургеры в закускойной, бодро запивая их газировкой. Те немногие взрослые, которые решили сопровождать своих детей, нервничали больше, но в конце-концов, когда пришел наш автобус, все успели расслабиться, и те четыре часа, что мы добирались до места назначения прошли в шутках и хорошем настроении.

В Гастингсе мы расселились по семьям, договорившись встретиться через два часа у памятника королеве Виктории, возле которого изначально остановился наш автобус. Потом все три недели пребывания каждый день после занятий на курсах мы будем встречаться около королевы, чтобы обсудить то, как кого кормят, как кого учат, и вообще планы на день.

Ребята ходили вечерами на дискотеки, плавали в бассейне, меня же мамы таскали по магазинам. Впрочем, все ключевые торговые точки мы обошли в первую же неделю – Гастингс городок небольшой и вскоре нас уже стали узнавать не только в магазинах, но и в кафе и ресторанах. Большинство отказывалось питаться теми сухими пайками, которыми их снабжали на обед семьи, и топало по едальным заведениям города.

На последнюю третью неделю ко мне неожиданно приехал муж. Сговорившись с Антоном, Женька оформил себе визу, купил билет и однажды днем нарисовался у памятника королеве. Антон знал о наших ежедневных встречах, так как на них я передавала ребятам приходившие на факс туристического офиса письма от родителей, обсуждала возникавшие у них вопросы, а также из телефонной будки, расположенной около королевы, мы дружно звонили домой. Женька стоял на месте наших встреч так, как будто мы об этом договорились заранее, сохраняя совершенно невозмутимое выражение лица. Я сохранять невозмутимое выражение лица не могла, я широко растопырила глаза, потрясла головой, чтобы отогнать наваждение, а потом радостно заверещала на весь славный город Гастингс.

К приезду Женьки славный город успел нам всем порядком поднадоесть. Мой муж еще не вкусивший всех прелестей маленького курортного городка пытался его осматривать, но мы ему не очень-то давали, с унылым лицом постоянно бормоча: «Мы это уже видели, мы туда уже ходили, мы там были три раза. Ой, давайте только не сюда. Только не в это кафе, только не в этот захолустный музей...» и так далее и так далее и так далее. В конце второго дня своего пребывания на английской земле, Женька взмолился:

– Ну давайте, хотя бы поедem в Лондон!

– Ура, – громко возопила наша группа, решив заодно прогулять все занятия на курсах в ближайшие два дня. Чтобы не смущать местное турагентство, организовывавшее наш учебный тур, решено было ехать на поезде. На радостях Женьке в качестве бонуса показали местный музей восковых фигур, олицетворявший какие-то ужасы прошлой жизни англичан и отвели на ужин в «фиш энд чипс», пресловутое заведение «рыба и жаренная картошка», в котором готовили по-моему хуже, чем в столовке соседнего с нашей фирмой офисного здания (а уж они знают толк в жаренной рыбе – более похабного блюда я не встречала).

Утром следующего дня всей нашей дружной компанией мы выдвинулись в столицу. В столице было солнечно, рядом с Биг Бэном веселились какие-то дети в разноцветных пышных платьях, что придавало нашей поездке еще больший колорит. Я являюсь большим любителем карт, поэтому все желающие (коих оказалось ровно по количеству человек в группе) приглашались в пеший поход по Лондону с охватом всех основных достопримечательностей. Тауэр, Собор Святого Павла, Оксфорд Стрит, Букингемский Дворец – это тот небольшой перечень,

из которого состоял мой маршрут. Исключен из него был только Музей Мадам Тюссо (по причине небольшой аллергии на восковые фигуры, приобретенной в Гастингсе) и Музей Шерлока Холмса (по причине своей удаленности от остальных пунктов программы, а также отсутствия, если честно, массового к нему интереса). На Женином лице блуждала немного растерянная улыбка, но он не сопротивлялся – как и у классика «победила молодость». Мои ребята были в основном лет 15-16. Те несколько взрослых, которые затесались в группу, включая меня, уже приноровились и вели себя, как и молодая поросль. Мы все были в шортах, кроссовках и майках, за плечами рюкзаки, на головах кепки. Даже те женщины, которые приехали в Англию на шпильках, в юбках и в макияже, к третьей неделе полностью приобрели облик стандартного тинэйджера. Женьку наряжала я, так что чисто внешне он не сильно выпадал из общей массы, если только уж слишком волосатыми ногами. Моральный его дух еще предстояло чуток приподнять. Я знала, что длительные пешие прогулки не в его вкусе, но выбора у моего мужа все равно никакого не было. Если только сесть под Биг Бэном и ждать нашего возвращения, но так низко пасть в наших глазах он не мог.

Начали мы двигаться вдоль Темзы (заодно уж надо было и на реку посмотреть) останавливаясь через регулярные промежутки времени, чтобы сфотографироваться на фоне все приближающегося Тауэрского моста. Я его опознала очень издалека, вспомнив картинки из школьного учебника, оповестила всех о сделанном открытии, тем самым и породив желание фотографироваться на его фоне чуть ли не каждые пять минут. В какой-то момент сбоку я идентифицировала здание, до боли напоминавшее Собор Святого Павла с картинки в путеводителе. Мы временно свернули вбок, посетили Собор, вернулись обратно и двинули дальше.

Дойдя в итоге до знаменитой резиденции английской королевы, мы рухнули на траву в близлежащем парке и устроили небольшой пикник. Женька был доволен, но сил у него явно не осталось. Впрочем, никто и не возражал против того, чтобы разместиться в отеле, а «магазинную» улицу оставить на завтра.

Впоследствии наши учебные туры в Англию пользовались стабильным спросом, та первая группа, не выучившись в общем-то ничему, тем не менее усиленно рекламировала нашу поездку. А среди фотографий, украшавших наш офис, красовалась и та, где мы все дружно валяемся на траве на фоне Букингемского Дворца, задрав ноги и явно заливаясь от хохота. Антон любит и по сей день подвести какого-нибудь нового клиента к этому снимку с фразой типа: «Ну вот, сами видите, как довольны наши туристы. И так происходит в каждой поездке!»

* * *

Ой, у меня тут Палыч выдал! Мы сидим в ЖЭКе, пьем помаленьку. С электричеством у всех порядок. А Палыч говорит: «Хочу в Париж!». Я ему: «Палыч! Ты с ума сошел! Какой Париж! Тебя даже в аэропорт зарубежный еще в Москве не пустят. С такой-то рожей! А дынешь – они вообще упадут!». Палыч обиделся на меня, но ничего, потом отошел. Он оказывается теперь собирает вырезки из газет про Париж – и рекламу там, и картинки, и статьи. А Тамарка говорит: «А я вот Палыча понимаю. Я тоже не против съездить куда-нибудь за границу. Хоть бы и не в Париж. Можно и в другую страну. Я коплю деньги, например». А у Тамары и прописки-то нет московской. Она у нас живет полулегально. Что-то ей там оформили, но боюсь с этим за границу не ездят. Но я промолчал. А то еще и она обидится. Вот у меня жена все-таки золото. Ничего ей не надо. Ездит к себе в деревню и не жалуется. Мечтает на рынке шмотки продавать. Так это нормальная мечта. Человеческая. А то Париж! И у меня цель в жизни есть. Вполне реалистическая. Я ее даже потихоньку осуществляю. Память опять же тренирую. Все на пользу. Тем более, что я за границей был. Меня туда без всякого загранпаспорта забросили. И даже без всякого моего на то желания. Ничего там нет хорошего

Июль, 1994

Мы с Женькой неожиданно обнаружили квартиру своей мечты: случайно очередные дальние родственники моих родителей решили продавать свою квартиру. Три года назад они уехали в США и сначала квартиру сдавали, но теперь решив осесть в стране победившей демократии насовсем и собравшись там купить жилплощадь начали продавать свою московскую квартиру. Продавать они ее естественно начали с помощью родственников, которые в некоторой растерянности пытались предлагать квартиру своим знакомым. Мы тоже попались под руку.

Сначала нас прельстило то, что квартира была четырехкомнатной, а стоила довольно недорого. Потом, подъехав «на стрелку» после работы по указанному адресу мы оба пришли в восторг от дома – дом был кирпичным сталинским, с красивыми балконами. И самое главное он располагался совсем недалеко от нашего теперешнего пристанища – на Большой Грузинской улице. Дворик, конечно, у дома был не ахти, но мы решили, что это не самое главное. Квартира, естественно, была не в самом хорошем виде после трех лет ее сдавания самым разным личностям, но в целом, кроме грязи, ничего принципиально плохого типа дыр в потолке обнаружено не было. Комнаты были большие, выходили на разные стороны, потолки высокие. В общем, мы решили ее брать. Вернувшись в тот вечер домой, Женька предложил выпить за успех нашего предприятия, сказав при этом:

– Я хотел бы, чтобы наша новая квартира уже стала нашим настоящим домом, в котором мы закончим ремонт, и будем спокойно жить, не думая больше о расширении. Этой квартиры нам вполне хватит!

Конечно, в тот момент я с ним согласилась и даже не думала о том, что через несколько лет мы снова задумаемся о переезде. Впрочем, в тот вечер мы были счастливы тем, что даровала нам судьба, по-братски деля друг с другом купленную закуску и бутылку красного вина. Я с грустью думала только о том, что отношения наши с Женькой практически полностью переходили в разряд родственных. Я его теперь воспринимала как брата, родного человека, с которым так удобно жить вместе – ведь он практически не храпит ночами, не приходит поздно вечером пьяный и еще к тому же решает массу важных в нашей жизни вещей, например может вызвать сантехника или прибить гвоздь. Даже в бизнесе я была с ним как за каменной стеной. Все вопросы, связанные с налоговой, бухгалтерией, арендой Женька по мере надобности всегда помогал решать, я свои рученьки этим не марала. И мы сидели за столом, радуясь выгодному варианту, плечом к плечу, и я совсем не чувствовала желаний тащить мужа в спальню. А с Тарасом мысли о сексе все чаще посещали мою бедную голову. Иногда мне хотелось встряхнуть Женьку как-то, чтобы он был поактивнее и не давал мне думать о других мужчинах, которые все больше и больше крутились вокруг меня на работе и на перерывах в кафе и ресторанах.

– Я люблю тебя, – вдруг говорит Женька в разгар моих горьких раздумий о нашей совместной жизни, и говорит это тихо так, нежно, но без всякой такой страсти в голосе... по-братски, короче.

* * *

Собирались тут у меня. Опять тетя Люся съехала на дачу. Красота! Упились все совсем. В деревню ехать окончательно расхотелось. Но в этом году придется. Отмазаться нечем. Беру отпуск. Еще, думаю, разок гульнем у меня, и поеду.

было что-то исправить и как-то изменить ход событий, но после того, как я узнала, что он не придет домой ночевать, я решила, что это решительно знак судьбы. Был ли это знак? Потом я думала не раз, что Господь Бог просто устроил мне такую проверочку на прочность, что порой мы читаем всякие там знаки в свою пользу, совсем не рассматривая альтернативные варианты.

Мы пили – Володя не так много, как я, но он тем не менее пил и совсем не боялся ГАИ, которое могло его потенциально остановить по дороге домой. Потом мы танцевали – джазмены начали играть какие-то медленные мелодии и под них отдельные парочки тихонечко топтались у небольшой сцены. Меня обнимали чужие мужские руки, обнимали, крепко и нагло прижимая к себе. От Володи пахло потрясающим мужским парфюмом, этими его жуткими сигаретами и еще черт его знает чем – пахло так, как ни от кого не пахло до этого. Я не сопротивлялась совсем надвигающейся катастрофе, почему-то решив, что уже пора и мне испытать что-то в жизни новое. Под новым подразумевался секс с незнакомым мужчиной.

Вместо просто кофе я выпила кофе с коньяком и «улетела» окончательно. Не то чтобы я сильно не пила до этого – просто если уж пила, то только в компании мужа и друзей. После чего я обычно падала в постель и мирно крепко спала до утра без всяких угрызений совести и конечно без всяких последствий какого бы то ни было рода. В последние годы Женька пил совсем мало – он постоянно был за рулем и только изредка на какие-нибудь праздники позволял себе немного вина. Я пила несравнимо больше, но тоже нечасто, так как и сама начала водить машину, ну и рядом с человеком, который предпочитает вечером выпить чайку, как-то не очень-то и пилось.

В тот вечер произошло сразу все, что могло произойти – меня пригласили в гости на чашку чая, вместо чая начали целовать, а потом и тащить в постель. Тащить в общем-то сильно и не надо было – я вполне бодро туда попала по собственной воле (или безволию). В постели Володя вел себя совсем не так как мой муж. Муж знал уже давно, конечно, все мои «слабые» места, все развивалось ну если не по одной, то по максимум двум схемам и мне казалось, что раз когда-то обещанный книжкой оргазм происходит, то значит все в полном порядке. Ан, нет! Тут-то змей искуситель в виде темноволосого и кареглазого Владимира и показал мне, как еще бывает...

Когда на той же неделе мы сидели с Машкой в кафе, я не выдержала и рассказала ей историю моего грехопадения. Больше всего подругу заинтересовал именно секс – у нее там тоже как-то было все буднично, и даже оргазмы случались нерегулярно. «Хорошо еще в принципе секс появился, – спокойно сообщала Маша, – ребенок ночами теперь спит, так что я и этому рада».

– Понимаешь ли, – вещала я, весело размахивая в воздухе вилкой, – оказывается оргазм оргазму рознь. Оказывается можно просто улететь, а можно ууух как улететь. Как бы это так еще попонятнее сказать? – не находила я слов для дальнейших объяснений.

– Ну что он конкретно делает не так как Женька? – пыталась все-таки уточнить Маша. Вид у нее был такой, что она вот-вот достанет ручку и начнет конспектировать.

– Он грубее, решительнее и ну там ... позы несколько другие.

– Что ж хорошего в грубости? – с самым серьезным видом продолжала допрос Маша.

– Да ничего хорошего в грубости нет, – медленно вслух анализировала я ситуацию, – но понимаешь, оказывается это возбуждает страшно, когда тебя просто вот так берут в крепкие мужские руки и делают чего хотят без всяких там сю-сю. То есть и гладят и обнимают и целуют, но как-то ... напролом! – закончила довольно громко и стукнула вилкой по столу, широко раскрыв глаза, чтобы Машке понятнее было.

Машке не очень было понятно. Она сказала, что грубости в свой адрес она не потерпела бы и ее совсем сие не возбудило бы. «Да и что значит, делает, что хочет? – Мария грозно зыркнула глазами в сторону сидевших недалеко от нас мужиков, – а если я не хочу?» Мужики опасливо посмотрели в нашу сторону и решили, по-моему, побыстрее закончить обед. Видимо,

мы со стороны смотрелись грозно – Машка, зыркающая гневно на них глазищами, и я – то размахивающая вилкой в воздухе, то стучащая ею по столу.

Стыда из-за измены мужу, что самое страшное, я на тот момент не испытывала никакого. Тарасу было объявлено, что более меня встречать не надо, от обедов с ним я тоже отказывалась – он был в печали и жаловался на жизнь Татьяне, которая по-прежнему работала у него в офисе. Татьяна передавала мне его жалобы на несправедливо устроенную жизнь и твердила, что я ему разбила сердце. Мне было не до Тарасового сердца – у меня болело свое. Болело пока сладко и приятно. Я стала плохо соображать, работала спустя рукава – благо я была начальник, и меня некому было поругать.

С Володей мы встречались днем, вечером и даже утром. Ночевать пока больше я у него не могла, но нам это сильно не мешало. Единственным нюансом в создавшейся ситуации было полное нежелание спать с собственным мужем – собственно на тот момент он больше ничем меня не раздражал...

* * *

Весь месяц просидел под дождем в деревне. Пропалывать заставляли, чего-то сажать, собирать, варить варенье, крутить банки. Совместными усилиями моей бабки, матери, жены и ее родителей было сделано столько запасов, что хватило бы на роту. Но им все мало. Все страдают, что надо бы еще того и этого накрутить, сварить и закрутить. Надоели страшно. Я чувствую: стал пить больше. Поймешь тут и Палыча с такой-то жизни. И главное шумные все. Все чего-то хотят, и зудят, зудят. Женин отец – бывший военный, тоже не расслабишься. Думаю, скорей бы уж отпуск закончился. Опять же с Тамаркой можно за жизнь поговорить. Она тихая, спокойная, не орет. Развестись к черту и поселиться с ней в подвале. А то, что мечтает о загранице, так пусть мечтает, я подумал, ничего страшного. Все равно ей не светит. А моя хоть и про рынок мечтает вещево́й, так и орет, как на этом самом рынке, тренируется, видимо.

Сентябрь, 1994

В сентябре Татьяна зазвала меня к каким-то своим подругам во «французский магазин». Так называемый магазин располагался у черта на рогах – на окраине Москвы – на территории обычной двухкомнатной квартиры. В одной комнате девушки пили в свободное от продаж шмоток время чай, а в другой как раз и располагались те самые шмотки. Шмотки частично висели на вешалках, частично лежали кучами на всем том, на что можно было их складировать – на столе, колченогих стульях, на диване и подоконнике. Я окинула все это безобразие опытным взглядом завсегдатая парижских бутиков и поняла, что покупать здесь решительно нечего – девчонки не вралы – купили они видимо все это во Франции, но в ооочень дешевых местах, а продавали по бешеным ценам. Тем не менее, от чая мы с Танькой отказываться не стали...

Во время светской беседы за чаем выяснилось, что у одной из так называемых продавщиц, есть муж и часть одежды она складировает у него в одной из комнат. С мужем они вместе не живут, но и не разводятся за ненадобностью, но у Ирины квартирка однокомнатная, а у ее мужа трехкомнатная – по этой причине она и складировает там вещи. Плюс муж оплачивает большую часть расходов, которые несет Ирин бизнес, так как прибыли он не несет практически никакой. Я начала покрываться противным липким потом, потому что вспомнила тут же, что у Володи была бывшая жена, хранившая у него в квартире в одной из комнат вещи, которые она возит из Франции. Володя всегда подчеркивал, что жена бывшая, что шмотки не раскупаются и периодически открывал «закрома» и щедро предлагал что-нибудь себе оттуда выбрать (бесплатно, разумеется). «Бывшая жена, – говорил он, – все равно ничего не заметит. Бери все, что хочешь!» Я всегда отказывалась, но Володя иногда вытаскивал что-нибудь (кстати, идеально подходящее мне и по размеру и по стилю) и силком заставлял мерить, а потом и забирать с собой. Вещицу он аккуратненько складывал в пакетик и настойчиво отдавал мне.

– А как зовут твоего мужа, – постаралась нейтрально поинтересоваться я, терзаясь дурными предчувствиями.

– Володя, – ничего не подозревая, ответила Ира, – он большой души бизнесмен. Богатый страшно, но живет аскетом – ничего ему якобы не надо, и я его тем сильно и раздражаю, что мне всего надо.

Я понимала, что совпадений уже достаточно, и мир оказался в который раз ужасно тесен. Уточнять Володин адрес не нужно – я была уверена, что он это он. Я не могла понять, почему мне так больно и неприятно. Наверное, потому что Ирина была совсем не дурна собой, да к тому же и женой она была вовсе и не бывшей, а настоящей. То что они живут не вместе не играло особой роли – ведь надо было зачем-то Володе врать про то, что они разведены.

Впервые я так страдала из-за мужчины. Я не видела даже и причин для такой тоски – я ведь и сама была глубоко замужем и не собиралась разводиться, мне должно было бы быть все равно совершенно, но мне не было все равно. С горя я предложила Татьяне поехать в ГУМ, чтоб хоть что-то купить и соответственно полечить сердечную боль магазинной терапией. На работу я в тот день махнула рукой – не было сил обсуждать рабочие вопросы, когда все о чем я могла думать, заключалось в обсасывании вопроса «Ну почему он мне сказал неправду? К чему бы это?»

С Таней, естественно я не могла не поделиться. Сжимая кулек со свежеприобретенным свитером, сидя в кафе напротив ГУМа, я мучила подругу своими дурацкими вопросами. Мучить Таню в принципе было бесполезно – она не была замужем, детей не имела, о всех мужчинах была не очень высокого мнения. Татьяна тут же переставала что-либо понимать, как только речь заходила о более высоких материях, чем секс. Потом много лет спустя она вдруг ощутит на собственной шкуре, что такое любить – рано или поздно, наверное, это переживает

в своей жизни каждый, а некоторые и по несколько раз – но кончится эта история можно сказать трагически, видимо жизнь решила лишний раз доказать, что не веривший, да поверит.

Но тогда в кафе Таня твердила, что мне крайне повезло с любовником. В первую очередь потому что он в принципе у меня завелся – а то уж она на мне крест в этом смысле ставить собиралась, во-вторых, потому что он женат – это ведь хорошо, мне и разводиться не надо, и ему на мозги я капать не буду. Плюс, Володя действительно не беден, то есть ухаживает красиво, что тоже не может не радовать.

В итоге я не сказать, что вполне счастливая, но уже более или менее вменяемая, поехала домой. Дома меня ждала мука еще одна – в виде моего мужа. Муж во время ужина интересовался моими делами, рассказывал про свои и ничегошеньки не замечал. Я видела, что Женька уже давно живет какой-то устоявшейся, уравновешенной жизнью, в которой единственное что происходит волнительное, так это его работа. Я выходила за рамки волнительного, я была привычна, и даже мой новый волнующий и сексуальный облик его-то волновал в самую последнюю очередь.

Мне даже бывало иногда обидно, но я не высовывалась – я понимала, что Женькино внимание мне не нужно совсем, и когда он его изредка проявлял, я старалась как-то загасить пыл мужниной страсти. В тот вечер все, что от меня требовалось это слушать и периодически кивать головой, про себя же я думала о Володе, переваривала информацию, полученную в течение дня, и понимала, что мне все равно неприятен факт Володиного вранья по поводу его семейного положения.

* * *

Жена, приехав из деревни, устроилась работать в Коньково. Шикарный крытый рынок. Барахлища! Ей дали продавать колготки. Ну носки еще, гольфы, всякое такое. Товар мелкий, недорогой. Но с чего-то надо начинать. Жена довольная ходит, платят-то даже побольше, чем мне. Мать ушла с завода – его все равно переводят за город, а тем более жена уже на работу собралась выходить. Так что теперь дома сидит мать. Мне так это лучше, чем жена. Мать пилит все-таки поменьше. Можно и днем с работы прийти, поспать спокойно, да и вообще.

Планирую следующую галочку. Думаю, может до праздников в этот раз управиться, чтоб Новый год веселее встречать было. Запоминаю адреса новые. Теперь новым способом действую: узнаю телефоны, по ним узнаю адреса. Так не вызываю, на всякий случай, никаких подозрений. Если адрес спросил – странно, а телефон – нормально вполне.

Октябрь, 1994

В октябре на меня свалились многочисленные рабочие проблемы – почему-то их стало одновременно много – не давались вовремя визы, не бронировались билеты и даже плохо пробивались отели на грядущий Новый год, хотя казалось я все как всегда начала делать в то же время, что и в предыдущие годы. Я нервничала не только и не столько из-за работы, а больше из-за того, что не могла толком встречаться с Володей, а потому срывалась на всех своих сотрудников сразу, а дома заодно и на мужа. Только для Малыша я оставалась волшебной мамой, приходящей перед сном домой, от души его тискающей и к тому же приносящей часто какие-то игрушки. Волшебной мамой он стал меня называть после того как как следует выучил слово Волшебница – Женькина мама читала ему регулярно сказки и видимо я подошла под описание именно этой героини классических сказок. Сначала я переживала, что я не Принцесса, но Малыш мне сразу объяснил, что у Принцесс мужей и детей не бывает, и спор тут явно был неуместен. Видимо у Волшебниц, как у более солидных тетенок, в представлении Малыша мужа и дети быть могли, поэтому он мне бодро отчеканил, что я красивая, появляюсь редко, могу делать чудеса (какие Малыш не уточнял) – и это все четко подходит под его представления о Волшебницах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.